

© Оцифровка, ред. текста
С.Ю.Василенко, 2009
для сайта
<http://www.elan-kazak.ru/>

И.Г. Акулинин

**Оренбургское казачье войско в борьбе с
большевиками.
1917 -1920.**

Шанхай, 1937 г.

Генерального Штаба генерал-майор Иван Григорьевич Акулинин, по происхождению оренбургский казак, участник Русско-Японской войны 1904-1905 гг. Во время великой войны 1914-1917 гг. нес службу на должностях офицеров Генерального Штаба: сначала на фронте, а затем в Главном Управлении Генерального Штаба.

В Гражданской войне 1917-1920 гг. участвовал на Восточном (Сибирском) фронте. Занимал последовательно должности: Помощника Войскового Атамана Оренбургского Казачьего Войска, Главного Начальника Оренбургского военного округа, командира 2-го и 1-го Оренбургских казачьих корпусов.

**Посвящается Оренбургским казакам,
павшим смертью храбрых в борьбе
с большевиками:
За Великую Россию.
За родное Войско.
За славу и честь казачью.**

Автор.

Предисловие.

Подробное описание и оценка вооруженной борьбы Оренбургского казачества с Советской властью - дело будущего историка, в распоряжение которого поступят все необходимые материалы.

Предлагаемый вниманию читателей труд, под названием "Оренбургское Казачье Войско в борьбе с большевиками" представляет собою краткий очерк борьбы Оренбургских казаков с момента большевицкого переворота до ухода остатков Оренбургской армии на чужбину, т.е. с конца 1917 года до начала 1920 года.

Попутно в очерке приводятся посильные пояснения важнейших событий с указанием на причины, вызвавшие те или иные явления.

Цель автора: прежде всего, показать русским людям, как Оренбургские казаки защищали свое родное Войско и какие жертвы принесли на общее дело борьбы с большевиками, затем, автор стремился зафиксировать по свежей памяти - хотя бы в самых общих чертах - те события из гражданской войны, свидетелем и участником которых ему пришлось быть самому. Это тем более необходимо было сделать, что в условиях гражданской войны много официальных документов и всякого рода ценных материалов погибло безвозвратно, почему будущему историку во многих явлениях и фактах придется разбираться с большим трудом.

При составлении очерка у автора не было под рукой никаких письменных материалов, все документы, как-то: приказы, постановления, донесения, дневники, журналы и разные записи пропали - частью при оставлении Оренбурга, частью во время отступлений по Сибири и в киргизских степях.

Оренбургское Войско вело борьбу против Советской власти не изолированно, а совместно с другими антибольшевицкими силами и в рамках той государственности, которая возникла в Сибири, почему автору, при составлении очерка приходилось касаться всех событий, происходивших на Восточном (Сибирском) фронте и указывать на общие причины, влиявшие на ход борьбы вообще на востоке и на борьбу Оренбургских казаков в частности.

В первоначальном виде заготовленный для печати очерк был сдан в типографию в Севастополе в октябре месяце 1920 года. При эвакуации Крыма весь материал остался в наборе.

Впоследствии его удалось напечатать - уже в эмиграции в журнале "Казачьи Думы", издававшемся в Болгарии (общеказачий журнал "Казачьи Думы" № 21-24, София, 1924 г.).

Спустя некоторое время очерк был дополнен и передан в журнал "Белое Дело", который к тому времени стал выходить в Берлине. После неожиданной кончины генерала Врангеля издание "Белого Дела" - за недостатком средств - приостановилось. Очерк остался ненапечатанным.

В настоящее время явилась возможность осуществить издание очерка при содействии Оренбургской, имени Атамана Дутова, станицы в Шанхае, которая взяла на себя все расходы по печатанию книги.

За оказанную помощь автор очерка считает долгом выразить глубокую благодарность Атаману станицы полковнику Д.В. Кочневу и всем казакам - членам станицы.

Очерк печатается в том самом виде, в каком он был сдан в редакцию журнала "Белое Дело" в 1926 году. Сделаны лишь небольшие вставки.

Автор.

Париж, 18 октября 1936 года.

Вступление.

Революция для Оренбургских казаков явилась полной неожиданностью. О той закулисной работе, которая велась в Петрограде с конца 1916 года среди правительственных кругов и политических партий, казаки ничего не знали. Точно также они были в полном неведении и относительно пропаганды, поведенной среди рабочих и запасных солдат с самого начала Великой войны.

Казаки всецело были поглощены войной. Все их мысли были прикованы к фронту, все их заботы сосредоточились на помощи армии - ибо война больше всего коснулась казачьих областей. Все способное носить оружие мужское население было мобилизовано и послано на фронт; малолетки обучались на территории Войска в запасных полках, готовивших пополнения фронту.

Когда в конце февраля 1917 года в Петрограде произошел переворот и началась революция, Оренбургские казаки, как в станицах, так и на фронте не отдавали себе ясного отчета в происшедших событиях и не знали как воспринять их. Благоразумная часть казачества инстинктивно чувствовала, что из революции ничего хорошего не выйдет. Казаков особенно смущало свержение Царя, так как в массе казаки были глубоко преданы монархическому строю и никак не могли себе представить Россию республикой.

Насколько большинство казаков не уясняло сразу смысла революции и не было подготовлено к новым порядкам показывают хотя бы такие факты. В первые дни революции в Оренбурге и других городах на территории Войска были устроены манифестации, в которых принимали участие и казаки. Во время шествий по улице с красными флагами,

горожане пели революционные песни, а казаки, следуя обычно в хвосте колонны, как ни в чем не бывало, распевали:

**Оренбурцы - казаки
Верно Царю служат,
По границам разъезжают
Ни о чем не тужат...**

В полках и станицах еще долго пелись явно "контрреволюционные" песни, как например, любимая Оренбургскими казаками:

**То не соколы крылаты
Чуют солнечный восход
Белого Царя казаки
Собираются в поход...**

С первого момента революции Войсковое начальство на местах растерялось и не знало, как ему реагировать на события. Ни атаманы отделов с их управлениями, ни тем более станичная и поселковая администрация - не были подготовлены к революции и на все, обращенные к ним со стороны населения, вопросы отмалчивались или просили обождать указаний свыше. По установившемуся порядку все рассчитывали получить те или иные указания сверху, но приказов на места не поступало, ибо аппарат власти был разрушен сразу. Наказный Атаман, генерал-лейтенант Тюлин был смещен в революционном порядке (должность Наказного Атамана Оренбургского Войска совмещалась с должностью губернатора Оренбургской губернии), а начальник Войскового Штаба, генерального штаба генерал-майор Товарищев скоропостижно скончался от разрыва сердца.

Первыми, кто начал проявлять активность в станицах и поселках, были: станичные фельдшера, учителя, писаря и вообще казачья полуинтеллигенция, до того времени бывшая в загоне. К ним постепенно стали примыкать разные недовольные элементы из разночинцев и казаков, считавших себя при старом режиме почему-либо обиженными.

На фронте в казачьих полках не только не было ликований по случаю торжества революции, но чувствовалось явное смущение и даже ропот. Казаки заняли пассивное положение: присматривались к соседям и выжидали событий. Строевое начальство в большинстве случаев оказалось не на высоте. Хотя офицеры, происходя из войскового сословия, стояли к рядовым казакам ближе, чем в регулярных полках и отношения, между офицерским составом и нижними чинами в казачьих частях были проще, тем не менее и здесь рознь и разобщенность сказались с первых же дней революции.

Офицеры умели командовать "согласно устава", а казаки "исполнять приказания начальства". Но когда жизнь из рамок уставов и наставлений выскочила - ни те, ни другие - не знали что делать и как друг к другу подойти.

Казаки жадно набросились на чтение газет и листовок, которыми наводнялся фронт; прислушивались к наезжавшим "ораторам". Офицеры наоборот - к революционным газетам относились с безгливостью, а "ораторов" встречали с явной враждебностью. Когда казаки обращались к офицерам за разъяснениями, то те не умели этого сделать; одни ограничивались смущенным молчанием, другие говорили стереотипные фразы, в роде того, что "в газетах пишут глупости", а "ораторов нечего слушать".

Некоторые из офицеров, по старой привычке "распекали" своих казаков - и за чтение газет и за посещение митингов; наиболее суровые грозили арестами и "стойками".

В начале казаки без офицеров не смели открыто выступать. Но вскоре и в казачьих частях появились агитаторы: сначала со стороны, а потом из своих же казаков, главным образом из нестроевых: фельдшером, писарей, обозных. Из офицеров "на революционную платформу" стали немногие. Наибольшую известность - своей демагогией - приобрели братья Каширины (Николай и Иван) и подьесаул Нагаев, выступивший впоследствии на Государственном Совещании в Москве против Атамана Каледина.

Постепенно начали образовываться в казачьих полках комитеты, с появлением которых стала расшатываться дисциплина и вноситься дезорганизация.

В апреле месяце 1917 года в Оренбурге был созван первый Войсковой Круг из представителей от станиц, поселков и строевых частей: полков, батарей и отдельных сотен, как бывших на фронте, так и запасных. После открытия, от Круга было послано приветствие Временному Правительству.

Войсковой Круг в спешном порядке выработал "Положение об управлении Оренбургским Казачьим Войском" (Конституция Войска). На основании этого "Положения" Оренбургское Войско получало самое широкое самоуправление. Все дела Войска отныне подлежали ведению Войскового Круга, депутаты которого избирались от станиц и поселков на 3 года всеобщим голосованием всего населения Войска. Таким образом, хозяином Войска становился Войсковой Круг.

Для управления Войском Войсковой Круг избирал Войсковую Управу в составе: Войскового Атамана (Председатель Войсковой Управы), его

Помощника (Заместитель Председателя Войсковой Управы), Заведующего Военным Отделом (Начальника Штаба Войска) и 5-ти членов.

В административном отношении Оренбургское Войско до революции делилось на три военных отдела. Войсковой Круг постановил, по примеру Донского Войска, переименовать отделы в округа: 1-й округ в Оренбурге, 2-й в г. Верхнеуральске, 3-й в г. Троицке. Впоследствии был образован 4-й округ - в г. Челябинске.

Первым Войсковым Атаманом был выбран генерал-майор Мальцев, занимавший до этого времени должность Атамана 1-го Военного Отдела.

После избрания Войсковой Управы Войсковой Круг разъехался, с тем, чтобы собраться на очередную сессию в ноябре месяце.

Но последовавшие в России события, в связи с Государственным Совещанием в Москве и выступлением генерала Корнилова в Могилеве побудили Войсковую Управу созвать Войсковой Круг на чрезвычайную сессию в конце сентября месяца. На открытие Круга прибыли: из Петрограда - Председатель Совета Союза Казачьих Войск войсковой старшина Дутов, избранный Почетным Председателем Круга и из Новочеркасска - представители Войска Донского: Г.П. Янов и Кузьменков.

Главнейшими решениями Чрезвычайного Войскового Круга были: 1-е - преобразование Войсковой Управы в Войсковое Правительство, по образцу Войска Донского, со всеми проистекающими отсюда последствиями (главным образом, в смысле усиления власти); 2-е - избрание на пост Войскового Атамана - вместо престарелого генерала Мальцева - молодого энергичного войскового старшины Дутова, произведенного вскоре в полковники.

Александр Ильич Дутов происходил из старинной казачьей семьи Оренбургского Войска. Образование получил в Неплюевском кадетском корпусе, Николаевском кавалерийском училище и Императорской Николаевской Военной Академии, которую окончил по 1-му разряду, но без причисления к генеральному штабу. Революция застала его на должности Командующего 1-м Оренбургским казачьим Наследника Цесаревича полком (10-й кавалерийской дивизии). В марте 1917 года он прибыл с фронта в Петроград делегатом на Казачий Съезд. В мае был избран Председателем Съезда, а затем поставлен во главе Союза Казачьих Войск, в качестве Председателя Совета Съезда.

5-го октября 1917 года А.И. Дутов получил атаманскую булаву Оренбургского Казачьего Войска. В половине октября - Чрезвычайный Войсковой Круг закрылся, и делегаты разъехались по местам. Вновь избранный Войсковой Атаман А.И. Дутов выехал в Петроград с докладом к Временному Правительству.

Накануне большевицкого переворота А.И. Дутов вернулся в Оренбург и вступил в исполнение обязанностей Войскового Атамана Оренбургского Войска и Уполномоченного Временного Правительства по продовольствию в Оренбургской губернии и Тургайской области.

**Первый период.
(С ноября 1917 года по апрель 1918 года).**

Борьба Оренбургского Казачьего Войска с большевиками началась немедленно по захвате ими власти в Петрограде, Москве и других городах России, в первых числах ноября 1917 года.

Оренбургское Войско, признав в свое время Всероссийское Временное Правительство, советскую власть отвергло.

Получив известие о разгоне Временного Правительства и захвате власти Народными Комиссарами, Войсковой Атаман А.И. Дутов издал по Войску следующий приказ (приказ по Оренбургскому Казачьему Войску № 816, 26 октября 1917 года, г. Оренбург): "В Петрограде выступили большевики и пытаются захватить власть; таковые же выступления имеют место и в других городах, Войсковое Правительство считает такой захват власти большевиками преступным и совершенно недопустимым. В тесном братском союзе с правительствами других казачьих войск, Оренбургское Войсковое Правительство окажет полную поддержку коалиционному Временному Правительству.

В силу прекращения сообщения и связи с Центральной Государственной Властью и принимая во внимание чрезвычайные обстоятельства, Войсковое Правительство, ради блага Родины и поддержания порядка, временно, впредь до восстановления власти Временного Правительства и телеграфной связи, с 20 часов 26 сего октября, приняло власть в Войске".

Этим приказом было положено начало борьбе Оренбургского Войска с большевиками и этот приказ явился руководящим во всех дальнейших действиях Войскового Правительства.

Ввиду того, что большинство городского населения города Оренбурга составляли не казаки, а территория Оренбургского Войска окружена крестьянским населением Оренбургской губернии и Тургайской области, а так же поселениями башкир и киргиз - решено было для активной борьбы с большевиками образовать в Оренбурге особый орган, а именно - Комитет Спасения Родины и Революции из представителей казачества, городского и земского самоуправлений, разных местных организаций и политических партий - от кадет до меньшевиков и правых социалистов-революционеров включительно.

Во главе Комитета был поставлен полковник Дутов, в ведении которого были переданы все воинские части, находящиеся в Оренбурге.

Таким образом, вокруг Комитета и Войскового Правительства объединились не только казаки, но и все местные патриоты. И Атаман Дутов возглавил собою все антибольшевицкое движение в Оренбургском крае.

В целях сосредоточения военной власти в одних руках и урегулирования всех военно-административно-хозяйственных вопросов, полковник Дутов учредил Оренбургский Военный Округ, вступив в должность Командующего Войсками Округа.

Началась подготовка к вооруженной борьбе. Все полки Оренбургского Войска в это время находились на фронте. На территории Войска стояло лишь три запасных казачьих полка: 1-й запасный полк в г. Оренбурге, 2-й - в г. Верхнеуральске и 3-й - в г. Троицке. В них обучались молодые казаки. Но единственно надежную строевую часть, на которую было можно вполне положиться, составляло Оренбургское Казачье Военное Училище.

Гарнизон г. Оренбурга состоял главным образом из запасных пехотных частей, которые настолько уже были распропагандированы, что рассчитывать на них в предстоящей борьбе с большевиками ни в коем случае не приходилось. Наоборот, их присутствие в городе представляло явную опасность. Солдаты, утратившие всякое понятие о долге и дисциплине, совместно с хулиганами из окраинных слободок устраивали погромы и занимались грабежом мирного населения, наводя повсюду панику. Так был разгромлен и сожжен военный склад с громадными запасами казенного вина.

Борьба с большевизмом в Оренбурге началась как с разоружения пехотного гарнизона, что было выполнено, по приказанию Атамана Дутова, сотнями 1-го запасного казачьего полка. После разоружения солдаты из всех пехотных частей были распущены по домам.

Затем были арестованы и посажены в тюрьму главари местных большевиков: Цвилинг, Коростелев и др.; однако, им вскоре удалось бежать.

Атаман Дутов приступил к формированию добровольческих отрядов из офицеров и учащейся молодежи: гимназистов, реалистов и семинаристов, которые шли в эти отряды очень охотно. Из Москвы, с сестрой милосердия М.А. Нестерович, прибыла в распоряжение Атамана Дутова, партия переодетых офицеров в 120 человек.

В станицах - главным образом ближайших к Оренбургу - началось формирование дружин из стариков, малолетков и неспособных. (В мирное время в неспособные или категорные зачислялись казаки, которые не отбывали

действительной службы в полках в силу физических недостатков; все они были обложены денежным налогом).

Призыв Войскового Правительства о формировании станичных дружин встретил неодинаковое отношение.

В одних станицах наблюдался большой подъем и дружины собирались быстро: в других - царило равнодушие и дружины формировались вяло; третьи - прежде чем приступить к формированию, посылали делегатов в Оренбург и в соседние станицы для выяснения обстановки; некоторые станицы, если прямо и не отказывались от формирования, то ровно ничего не делали в этом направлении и выжидали событий.

Большое значение имела личность станичного атамана: где атаман был энергичный и с порывом, там дело шло хорошо; где атаман медлил и действовал нерешительно, там ничего не выходило.

В одних станицах формировались конные дружины, в других пешие; в некоторых и те и другие.

Большинство дружин на фронт не выступало и никакого участия в боевых действиях с большевиками не принимало; часть дружин так и не закончила своего формирования: сегодня собирались, завтра расходились.

Большое смущение в умы казаков вносили слухи об успехах большевиков по всей России. Проезжавшие через станицы и поселки солдаты-дезертиры и специально посланные агитаторы распускали про большевиков всякие небылицы: рисовали советскую власть, как власть народную, ставшую на защиту всех угнетенных: говорили, что казаки как часть трудового народа, не только не должны бороться с большевиками, но всячески помогать им освободить народ от эксплуатации помещиков и буржуев, которые "пьют народную кровь"; казакам внушалась мысль, что большевики борются не с казаками, а с начальством, которое продалось буржуазии и защищает ее интересы казачьими головами.

Помещиков и крупного торгово-промышленного класса в среде Оренбургского казачества не было; поэтому агитаторы старались восстановить казаков, главным образом, против офицеров - и вообще против начальства - используя в этих видах разные промахи и недочеты из прошлой жизни.

Разобраться в умело веденной пропаганде, отличить правду от лжи, простому казаку было очень трудно. Многие из того, что ему говорилось, он принимал за чистую монету и многому склонен был поверить; тем более - людей, которые бы разоблачали большевицкую ложь и разъясняли казакам всю нелепость советской системы, в то время в станицах не было! Казаки были предоставлены самим себе.

Станичная полуинтеллигенция, в лице фельдшеров, писарей, учителей, кооператоров, сбита с толку февральской революцией, быстро начала усваивать большевицкую психологию и со своей стороны повела демагогическую пропаганду, особенно против офицеров, к которым питала неприязнь за прежние унижения.

Станичное и поселковое духовенство, за небольшим исключением, держалось в стороне и никакого участия в общественной жизни станиц не принимало, ограничиваясь исполнением "духовных треб".

По мере хода событий внутри России и под влиянием агитации, часть казаков в станицах начала постепенно переходить на "советскую платформу": одни искренно заблуждаясь, другие в надежде получить выгоду.

Однако, подавляющее большинство населения станиц и поселков к пропаганде большевизма относилось отрицательно, хотя бы в силу своего природного консерватизма. Но ясного, отчетливого представления о большевизме и его разрушительных началах - у казаков не было.

При формировании станичных дружин казакам пришлось столкнуться с недостатком оружия. Это обстоятельство их сильно беспокоило. Винтовок казенного образца в станицах не было. Вооружались дружины чем попало: старыми берданками, охотничьими ружьями, шашками, самодельными пиками, топорами, ломami, нагайками и просто палками.

Из станиц все время посылались в Оренбург и в окружные города делегации за получением оружия, но, в большинстве случаев, они должны были возвращаться с пустыми руками.

У Войскового Правительства для всех оружия не хватало. Винтовками, отобранными у солдат запасных пехотных полков, в первую очередь вооружались офицерские и добровольческие отряды, формировавшиеся в самом Оренбурге.

Встретились затруднения с обмундированием и продовольствием. Добровольцев надо было одевать и кормить.

Комитет Спасения Родины и Революции обратился за помощью к городу. Купечество и зажиточные горожане на призыв Комитета отозвались довольно слабо и особенной щедрости не проявили. Но, благодаря настояниям Атамана Дутова и энергии отдельных лиц, некоторые средства удалось собрать - на первое время вполне достаточные.

Надо заметить, что местное, не казачье население, особенно мещанство и мелкий торговый люд, ясного представления о происходящих событиях не имели и к борьбе казаков с большевиками относились совершенно равнодушно, полагая, что это дело их не касается.

К сожалению, такая психология преобладала в среде, так называемых, буржуазных классов, которые считали, что драться с большевиками должны военные - офицеры, солдаты, казаки, но не гражданские лица.

Городская интеллигенция - в лице чиновников, учителей, отставных офицеров - прихода большевиков боялась, но никаких мер в целях организации и самообороны не предпринимала.

Рабочие г. Оренбурга (главным образом железнодорожных мастерских Ташкентской железной дороги) независимо от того, были ли они меньшевиками или большевиками, социалистами-революционерами или беспартийными - все они были настроены революционно-бунтарски. Комитета Спасения Родины и Революции не признавали (хотя в его составе были и их представители), казаков и офицеров ненавидели, а Атамана Дутова называли контрреволюционером. Все их симпатии были на стороне большевиков и каждый рабочий с нетерпением ждал вступления в город большевицких отрядов. Наиболее горячие головы из рабочих кругов и городских подонков организовали в разных частях города боевые ячейки с целью произвести восстание.

Вот в общих чертах какова была обстановка, в которой Войсковому Правительству Оренбургского Казачьего Войска приходилось начинать вооруженную борьбу с большевиками.

В конце ноября во всех городах Поволжья, Урала и Сибири власти Временного Правительства уже не существовало; она перешла - почти без всякого сопротивления - в руки большевиков, всюду образовались советы.

Пришел черед и Оренбургскому Войску. В декабре месяце отряды большевиков стали подходить к границам Войска и проникать на Войсковую территорию с разных сторон: на севере - со стороны Екатеринбурга, Уфы и Омска, на юге - со стороны Самары и Ташкента. Сначала красные отряды двигались по железным дорогам, а затем по грунтовым путям, сперва захватывали города, а потом распространялись по станциям.

Прежде всего в руки большевиков попал Челябинск - важнейший железнодорожный узел, а за ним торговый город Троицк - после чего 3-й и 4-й Округа очутились в сфере влияния советской власти.

Оренбург был осажден большевицкими отрядами с двух сторон: со стороны Самары и со стороны Актюбинска. Наибольшей активностью отличалась Самарская группа, благодаря наличию в ней отряда матросов.

В половине декабря был созван Войсковой Круг, на который съехались в полном составе депутаты от станиц и строевых частей. Круг приветствовали представители города и делегации от всех партий. Атаман

Дутов, открывая заседания Круга, произнес горячую речь, в которой призывал депутатов стать на защиту Матери-России и родного Войска. Председателем Круга был избран М.А. Арзамасцев - по профессии медицинский фельдшер, по убеждениям антибольшевик. С первых же заседаний Круг поделился на две неравные части: большую - стариков и меньшую - фронтовиков.

Депутаты с фронта, распропагандированные на большевицкий лад, сразу заняли по отношению к Атаману Дутову враждебную позицию. Среди них повели агитацию, приехавшие на круг - в качестве депутатов - бывший член 1-й Государственной Думы Т.И. Седельников, подъесаул Каширин (Иван), фельдшер Шеметов и урядник Федеринов. К ним примкнул один из членов Войскового Правительства - М. Копытин, только что вернувшийся их поездки на Дон.

В своих выступлениях перед Кругом лидеры фронтовиков старались доказать, что большевики ведут борьбу не с казаками, а с Атаманом Дутовым и офицерством, которые стремятся к контрреволюции. Поэтому стоит только убрать Атамана Дутова, как борьба сама собою прекратится и с большевиками можно будет сговориться на приемлемых для обеих сторон началах.

Но депутаты-старики из станиц на такую удочку не поддались. Они прекрасно понимали, что большевики повели борьбу с казачеством, которое всегда защищало русскую государственность и теперь вновь стояло поперек дороги.

Войсковой Круг подавляющим большинством голосов постановил: советской власти не признавать; борьбу с большевиками продолжать до полной над ними победы.

Полковник Дутов был переизбран Войсковым Атаманом и Войсковое Правительство было сконструировано в следующем составе: Председатель Правительства - Войсковой Атаман полковник А.И. Дутов. Заместитель Председателя - Помощник Войскового Атамана, Генерального Штаба полковник И.Г. Акулинин (только что прибывший из Петрограда и избранный депутатом Круга). Заведующий Военным Отделом - Начальник Штаба Войска, полковник В.Н. Половников. Члены Правительства: войсковой старшина В.Г. Рудаков (окончивший Интендантскую Академию и занимавший должность дивизионного интенданта), войсковой старшина Г.Ф. Шангин (работавший в кооперации), чиновник горного ведомства А.С. Выдрин, землемер Г.Г. Богданов (мусульманин, представитель казаков мусульманского вероисповедания); войсковой старшина Н.С. Анисимов; войсковой секретарь - военный чиновник А.Е. Иванов.

В виду происходивших вокруг Оренбурга боев и рабочих волнений в самом городе, заседания Круга протекали в чрезвычайно нервной обстановке и порою принимали весьма бурный характер, особенно когда в прения пыталась вмешаться публика, среди которой нередко сидели большевицкие агитаторы из казаков. Тем не менее, Круг работал в течение целого месяца и за это время успел рассмотреть все важнейшие вопросы Войсковой жизни.

Однако, разъезжаясь перед праздниками Рождества Христова по домам, Войсковой Круг никакой реальной силы для борьбы с большевиками в распоряжение Атамана Дутова не дал, да и не мог дать. Он выделил лишь из своего состава, в помощь Войсковому Правительству, Малый Круг (в числе 9 членов), который вскоре из-за событий на фронте самоупразднился.

Силы, которые Атаман Дутов мог противопоставить большевицкому натиску, были незначительны и состояли из небольших офицерских, юнкерских и добровольческих отрядов, а также нескольких станичных дружин.

Как раз в это время в Войско стали прибывать с Австро-Венгерского и Кавказского фронтов строевые части - полки и батареи, но рассчитывать на их помощь оказалось совершенно невозможно: они и слышать не хотели о вооруженной борьбе с большевиками.

У казаков фронтовиков, утомленных войною - а частью настроенных большевицки, была одна мысль, одно стремление - поскорее попасть в родные станицы. Распропагандированные на фронте, они не отдавали себе ясного отчета в происходящих событиях, не понимали сути большевизма со всеми его пагубными последствиями, как для России, так и для казачества. Среди них появились уже настоящие большевики, которые вели разлагающую пропаганду, сначала в полках, а потом и в станицах.

Большинство казачьих эшелонов прибыло в Войско без оружия: большевики их разоружали в пути - в Москве, Киеве, Харькове, Самаре, Ташкенте и других крупных центрах, где имелись в наличии большие гарнизоны. (15-й Оренбургский казачий полк, бывший на Юго-Западном фронте, чтобы не отдавать большевикам оружия, прибыл в Войско с одной из войсковых батарей походным порядком, пройдя через Южную и Юго-Восточную Россию). К чести казаков надо сказать: выдачи офицеров нигде не было, несмотря на энергичные требования и угрозы большевицких комиссаров, почти в каждом городе, через которые проходили казачьи эшелоны.

Таким образом, в начале борьбы Оренбургского Войска с советской властью строевые части в защите Войска никакого участия не принимали.

Наоборот - многие казаки-фронтовики и даже некоторая часть – правда, незначительная - офицеров, как например, братья Каширины, старались помогать большевикам.

Вся тяжесть борьбы в начальный период легла на офицерские и добровольческие отряды; станичные дружины оказались малобоеспособными и при первом случае расхилились по домам.

В силу таких неблагоприятных обстоятельств натиск большевиков сдержать не удалось, и 31-го января 1918 года Оренбург был сдан.

Атаман Дутов с Войсковым Правительством и группой офицеров переехал вглубь территории Войска - во 2-й Округ - и обосновался в г. Верхнеуральске, удаленном от железных дорог и больших центров. Часть офицеров, добровольцев и юнкеров, во главе с Начальником Оренбургского Казачьего Военного Училища генерального штаба генерал-майором Слесаревым, ушла походным порядком по левому (киргизскому) берегу реки Урала к Уральским казакам, которые в это время не выступали против большевиков. Многие офицеры - в одиночку и небольшими партиями - укрылись по станицам, хуторам и киргизским аулам.

В начале февраля Войсковое Правительство созвало в г. Верхнеуральске чрезвычайный Войсковой Круг, на котором были представлены главным образом 2-й, 3-й и 4-й Округа. Большинство депутатов 1-го Округа, на заседания Круга прибыть не могли: к этому времени все станицы в районе Оренбурга и Орска были заняты большевиками. На вопрос Войскового Правительства, что делать дальше - Войсковой Круг вновь подтвердил свое декабрьское решение: продолжать борьбу с большевиками во чтобы то ни стало.

Но опять таки никаких действительных средств на ведение борьбы Войсковое Правительство от Круга не получило. Были приняты строгие резолюции, выпущены воззвания с призывом к населению - вооружаться против большевиков и объединяться вокруг Войскового Правительства.

С переездом в Верхнеуральск Войсковое Правительство не имело в своем распоряжении никаких денежных средств - ни для своего существования, ни на ведение борьбы с большевиками. Необходимо было изыскать средства. Первый взнос в пустую Войсковую казну был сделан Санарским лесничеством в размере 30 тысяч рублей. Попытка Атамана Дутова побудить местных купцов прийти на помощь Войсковому Правительству успеха не имела: верхнеуральские купцы, как и оренбургские, крепко держались за свои кошельки, совершенно не отдавая себе отчета в том, что с приходом большевиков они потеряют все.

Чувствовался недостаток в денежных знаках, особенно в мелких купюрах. Население прятало деньги по кубышкам и не выпускало их из рук. В местном казначействе, после потери связи с центрами, не хватало денежных знаков даже для очередных расплат по ассигновкам казенных и общественных учреждений.

Атаман Дутов приказал сделать выемку из уездного казначейства некоторого количества "Займа Свободы", билеты которого имели право хождения с кредитными билетами - царскими и "керенками".

В местном отделении Сибирского банка хранилось небольшое количество золота (что-то около полупуда) в слитках, принадлежащее местным золотопромышленникам. На случай перехода города в руки большевиков золото было передано в распоряжение Войскового Правительства, о чем был составлен особый акт. (Никакой практической выгоды из этого золота Войсковое Правительство не извлекло. Впоследствии весь "золотой запас" был сдан в Омск Омскому Правительству. С владельцами золота был произведен расчет по курсу дня).

В целях изыскания средств для пополнения Войсковой кассы, Круг вынес ряд постановлений. Так было постановлено, чтобы все золото добываемое золотопромышленниками на казачьей территории сдавалось, по особой расценке (для данного момента по 33 рубля за золотник), Войсковому Правительству; точно также все доходы, получавшиеся от ископаемых - каменного угля, железной руды и пр. - должны были поступать на пополнение Войсковой казны. (На территории Оренбургского Войска находится: знаменитая Магнитная гора с неисчерпаемыми залежами лучшей в мире железной руды; ряд золотоносных площадей и каменноугольные копи).

Круг рекомендовал Войсковому Правительству обратить внимание на обложение торгово-промышленных предприятий, заводов, паровых мельниц, а также усилить вырубку и продажу леса из Войсковых боров. Затем Войсковому Правительству поручалось выработать и провести в жизнь заем в 10 миллионов рублей под именем "Защиты Войска". Для немедленных сборов денежных средств, необходимых на организацию самозащиты Войска, решено было образовать "Фонд Спасения Войска", путем добровольных пожертвований.

Депутаты Круга обязались всеми силами способствовать притоку денежных средств в распоряжение Войскового Правительства. Почти все из намеченных Войсковым Кругом мероприятий - ввиду наступивших событий - остались на бумаге.

Во время февральской сессии Круга Войсковой Атаман А.И. Дутов неоднократно просил освободить его от всех возложенных на него

обязанностей, но Войсковой Круг настоял, чтобы он оставался во главе Войска и продолжал дело борьбы с большевиками. Просьба членов Войскового Правительства об отставке также не была уважена.

В виду неприбытия в г. Верхнеуральск войскового старшины Анисимова, в состав Войскового Правительства было избрано два новых члена из представителей Круга: хорунжий А.С. Пономарев (по специальности агроном) и преподаватель городского училища И.С. Белобородов (окончивший учительский институт).

Из других мероприятий Войскового Круга следует отметить постановление о формировании полков, для защиты Войсковой территории, причем полки должны были формироваться и действовать на основах воинской - а не революционной - дисциплины. Никаких митингов и собраний с вынесением всякого рода резолюций не допускалось. Сотенные, полковые и прочие комитеты в войсковых частях запрещались.

Во время пребывания Войскового Правительства в г. Верхнеуральске, большевики созвали в Оренбурге Казачий Съезд из казаков 1-го Округа. Съезд, на котором верховодили депутаты Круга: Седельников, Федоринов и бывший член Войскового Правительства Копытин - вынес постановление о признании советской власти.

В Челябинске также был созван Съезд Рабочих, Крестьянских и Казачьих Депутатов, который обратился к казакам с призывом прислать делегатов от станиц.

После захвата большевиками г. Троицка Окружное Правление 3-го Округа, во главе с Окружным Атаманом войсковым старшиной Половниковым, было арестовано и посажено в тюрьму. Впоследствии весь состав Окружного Правления был расстрелян.

Казаки 3-го Округа созвали Окружной Съезд в станице Кособродской. На этом съезде депутат Свешников (молодой студент, исключенный из Оренбургского Военного Училища за революционные выступления в первые дни революции) ратовал за соглашение с большевиками.

Окружной Атаман 2-го Округа - молодой хорунжий Захаров и все Окружное Правление дружно поддерживали Войсковое Правительство, но почти никакой власти и никакого влияния за пределами города Верхнеуральска Окружное Правление не имело. Даже Верхнеуральская станица, расположенная за городской чертой, находилась всецело под влиянием братьев Кашириных, которые с помощью солдат-дезертиров и большевизанствующих мещан образовали Совет Рабочих, Крестьянских и Казачьих депутатов, который с прибытием в Верхнеуральск Войскового Правительства прекратил свое существование.

Городская Управа к приезду Атамана Дутова и к созыву в г. Верхнеуральске Войскового Круга отнеслась весьма сдержанно. Гласные Городской Думы боялись навлечь на себя гнев большевиков.

Оценивая общее положение в Оренбургском Войске к марту месяцу 1918 года можно сказать, что Войсковое Правительство в это время, в сущности, было предоставлено самому себе.

Население, за исключением 5 - 6 верных и стойких станиц, как например, Карагайской, Петропавловской, Краснинской, Кассельской, Остроленской, никакого участия в борьбе с большевиками не принимало: одни станицы, боясь большевицких расправ, держали "нейтралитет", другие явно сочувствовали приходу большевиков, а третьи даже помогали им, как например станица Арсинская и отчасти Верхнеуральская. (Братья Каширины - казаки станицы Верхнеуральской оказывали свое влияние на ее жителей).

Никакой вооруженной силы в распоряжении Войскового Правительства не было, кроме небольшой личной охраны Атамана Дутова и офицерской сотни, собранной на случай самообороны, если бы в городе вспыхнуло восстание. К счастью из-под Троицка прибыл в Верхнеуральск партизанский отряд войскового старшины Мамаева, который дал толчок к дальнейшим формированиям. Вскоре образовались еще три небольших отряда: подьесаулов - Бородина, Михайлова и Енборисова.

В конце концов, Атаману Дутову с большим трудом удалось собрать около 300 бойцов. К этому ядру время от времени присоединялись станичные дружины, увеличивавшие силы Войскового Правительства до 1500-3000 человек.

Необходимо отметить, что в числе партизан было много офицеров не казаков - преимущественно уроженцев Оренбургской губернии; партизанский отряд подьесаула Енборисова состоял исключительно из рядовых казаков; в других отрядах преобладал офицерский состав, но были также юнкера, кадеты, казаки и просто добровольцы.

С этими силами Войсковое Правительство держалось на территории 2-го Округа до весны. За это время большевицким отрядам, пытавшимся уничтожить "гнездо контрреволюции", было нанесено несколько чувствительных ударов.

Само собой разумеется, что главная тяжесть во всех боях лежала на партизанах. Наскоро собранные и почти безоружные станичные дружины, рассыпавшись лавами, служили больше для декорации и лишь во время преследования противника пускали в ход шашки и нагайки.

Во всех боевых стычках с большевиками главной целью партизан и станичников было стремление побольше достать оружия и патронов (база

на противника). В начале не только дружины, но и партизанские отряды вооружены были слабо: винтовок и пашек на всех не хватало. После нескольких удачных боев (особенно под станицей Кассельской) партизаны раздобыли достаточное количество винтовок и пулеметов, которыми большевики были снабжены в изобилии. Артиллерии в этот период борьбы у казаков совсем не было.

Для ликвидации "Дутовщины" большевицкие верхи вынуждены были стянуть несколько отрядов. Из них наибольшей организованностью и активностью отличались два отряда: один - изменника Оренбургского Войска подьесаула Николая Каширина, а другой - талантливого авантюриста "полковника" Блюхера. (Кто такой был Блюхер - в то время в точности никто не знал. Оренбургские казаки, перешедшие в ряды большевицких отрядов, считали его полковником. Среди жителей города Оренбурга откуда-то пошла молва, что Блюхер офицер австрийского или германского Генерального Штаба - потомок знаменитого Прусского фельдмаршала Блюхера).

В первых числах марта к г. Верхнеуральску стали приближаться две большевицкие группы: одна - со стороны Троицка, а другая из Башкирии.

Чтобы не быть зажатым в клещи, Атаман Дутов, во главе партизан и станичных дружин бросился против Троицкой группы и, после нескольких стычек у станицы Сухтеленской, обратил ее в паническое бегство.

Но в это время в Верхнеуральске местные большевики, воспользовавшись уходом партизан из города, произвели восстание, поддержанное солдатами-дезертирами из окрестных хуторов и рабочими двух ближайших заводов - Белорецкого и Тирлянского. В распоряжении Войскового Правительства не было ни одной воинской части, кроме нескольких десятков офицеров и казаков, державших караулы. Правда в Верхнеуральской станице имелась наготове вооруженная дружина, но она осталась пассивной; часть казаков-фронтовиков, руководимых подьесаулом Кашириным, примкнула к восставшим. (Накануне восстания в станичном правлении Верхнеуральской станицы был убит казаком-провокатором комендант города поручик Гончаренко).

После небольшой уличной перестрелки Верхнеуральск был оставлен в руки большевиков. Войсковое Правительство переехало в станицу Краснинскую, в 20-ти верстах к северо-востоку от Верхнеуральска, а Окружное Правление 2-го Округа в станицу Кассельскую. (Член Войскового Правительства И.С. Белобородов, не успевший вовремя выехать, был схвачен большевиками и посажен в тюрьму, а затем, через несколько дней, расстрелян).

Атаман дважды делал попытку вернуть Верхнеуральск, но безуспешно. Засевшие в нем большевики успели получить значительные подкрепления и все атаки казаков были отбиты.

Через несколько дней, Верхнеуральская группа большевиков, в свою очередь, попыталась овладеть станицей Кассельской с тем, чтобы отрезать Атаману Дутову путь отступления на юг. Но после горячего боя, продолжавшегося целый день, вынуждена была, под дружным натиском партизан и станичников, отступить в беспорядке обратно в Верхнеуральск, побросав по дороге пулеметы, винтовки и разное имущество.

Как раз в это же время другая большевицкая банда, блуждавшая в районе станиц Магнитной и Наваринской, была разгромлена казаками соседних поселков, сформировавших по собственному почину, свои отряды.

Здесь уместно отметить следующее явление, наблюдавшееся во всех Округах Оренбургского Войска.

Очень часто большие и богатые станицы, если и не держали открыто сторону большевиков, то всеми способами уклонялись от борьбы с ними, и наоборот - небольшие и бедные станицы проявляли к большевикам крайнюю ненависть и при первой возможности готовы были драться с ними.

Несмотря на ряд частичных успехов, общее положение Войскового Правительства ухудшалось с каждым днем. Силы большевиков возрастали, а силы партизан и станичных дружин таяли; ощущался постоянный недостаток в боевых припасах, добывать которые приходилось с бою, что влекло за собою лишние кровопролития. Не хватало также перевязочных средств и медикаментов для раненых и больных, число которых с каждым днем увеличивалось. (Для ознакомления с обстановкой в других округах были командированы тайным образом, под видом простых казаков, два члена Войскового Правительства: г.г. Богданов в пределы 1-го Округа, к Оренбургу, и войсковой старшина Рудаков в район 3-го Округа, к Троицку).

К началу апреля Войсковое Правительство с партизанами было окружено в станице Краснинской большевицкими отрядами со всех сторон. Атаман Дутов собрал совещание - из членов Войскового Правительства и старших начальников, на котором было принято решение пробиваться на юг; а в дальнейшем, если бы не удалось удержаться на Войсковой земле, уйти в киргизские степи, где и отсиживаться до того момента, когда явится возможность вернуться обратно в Войско для новой борьбы.

Был намечен приблизительный маршрут движения - через станицы лежавшие по левой стороне Урала - и день выступления - 4 апреля. Но тронуться с места и выйти из района станиц все время поддерживавших Войсковое Правительство, не так-то было легко. В станицах, которые принимали непосредственное участие во всех последних боях - прекрасно понимали, что с уходом Войскового Правительства весь гнев большевиков обрушится прежде всего на них.

При уходе из этих станиц Войсковому Атаману и его ближайшим помощникам приходилось выступать на станичных сборах с объяснениями о причинах передвижения в другие места.

Старики умоляли Атамана не покидать их "на съедение большевикам", женщины и дети поднимали плач...

Атаман Дутов, который хорошо умел говорить с казаками, старался разъяснить станичникам, что его уход с партизанами в другие места вызывается боевой обстановкой и предпринимается с целью продолжения дальнейшей борьбы с большевиками там, где это обещает наибольший успех.

Тяжелее всего было покинуть станицу Краснинскую, которая в силу обстановки довольно долго служила Атаману Дутову "ставкой".

Для поддержания духа и успокоения стариков в некоторых станицах Войсковое Правительство вынуждено было оставлять немного винтовок и патронов.

При таких условиях сохранить скрытность передвижений партизанских отрядов было чрезвычайно трудно. Большевики зорко следили за каждым их шагом, чтобы в удобный момент ударить по ним.

Местность, по которой приходилось двигаться, была холмистая, большею частью открытая, лишь изредка попадались небольшие перелески. Движение задерживалось весенней распутицей, хотя конница, имея пулеметы на легких тарантасах, шла сравнительно легко и маневрировала совершенно свободно. Но колесная колонна Войскового Правительства с разными учреждениями, транспортом раненых и обозом беженцев передвигалась довольно медленно, особенно на участках, покрытых еще снегом или залитых водой. (К Войсковому Правительству присоединилось и Окружное Правление 2-го Округа). Происходили частые задержки на переправах через разлившиеся речки и набухшие овраги, тем более, что переходы совершались большей частью ночью.

Атаман Дутов выступил из станицы Краснинской 4-го апреля утром. Благодаря удачно выбранному направлению, ночным маршам, хорошо организованной разведке и вовремя пущенным ложным слухам, ему удалось пройти несколько станиц и поселков (станицы - Кассельскую,

Остроленскую, Требиатскую, Наваринскую и поселки - Кацбахский, Измаильский и Кульмский) искусно обходя большевицкие "заставы", в том числе отряд подьесаула Каширина, поджидавшего "своего Атамана" на переправе через реку Гумбейку (приток Урала) у станицы Черниговской, в то время, когда вся колонна Войскового Правительства форсировала эту реку в ночь с 5 на 6-е апреля у станицы Наваринской.

В поселке Бриенском Атаман Дутов решил остановиться на дневку, чтобы дать людям и лошадям небольшой отдых, хотя обстановка требовала безостановочного движения.

И действительно, на следующий день, на рассвете - это было 10 апреля - перед поселком Бриенским появился Николай Каширин, с отрядом из трех родов оружия, а другой большевицкий отряд спешно двигался от станицы Кваркенской на перерез пути отступления Атаману Дутову.

В происшедшей оплошности повинен был отчасти "полевой штаб" Атамана Дутова, ограничившийся выставлением на ночь одной заставы, которая "проспала" появление большевиков. Тревога была поднята часовым на церковной колокольне. (Начальником полевого штаба Атамана Дутова был генерального штаба полковник Н.Я. Поляков (не казак), занимавший во время Великой Войны должность начальника штаба Оренбургской казачьей дивизии).

Среди жителей и беженцев началась паника. Чтобы дать возможность вывезти обозы с ранеными и беженцами в более или менее безопасное место, пришлось принять бой в чрезвычайно невыгодных условиях.

Учитывая критическое положение застигнутой врасплох колонны Войскового Правительства и свое численное превосходство, большевики с места повели энергичное наступление: пехота с фронта, конница в обхват флангов, при этом отдельные конные группы из казаков-изменников проявили большую дерзость, все время стараясь ударить в тыл партизанам.

Но партизанские отряды, объединенные под командой полковника Акулинина, так ошестинились, что сразу же осадили большевицкий натиск и не позволили им развить наступление - ни на фронте, ни на флангах.

Занимая один рубеж за другим, полковник Акулинин задержал большевиков на целый день, чем дал возможность Атаману Дутову к вечеру 10-го апреля - собрать в поселке Елизаветинском (в двух переходах от поселка Бриенского) все обозы и транспорты.

Поселок Елизаветинский был последним этапом на Войсковой территории, дальше начиналась Тургайская область.

В ночь на 11 апреля Атаман Дутов с отрядами выступил из поселка Елизаветинского к Адамовской волости и, миновав ряд переселенческих

хуторов, население которых сочувствовало большевикам, углубился в пределы киргизской степи. (Крестьянские хутора Тургайской области возникли вдоль восточной и южной границ Оренбургского Войска на киргизских землях. Незадолго перед Великой войной сюда были переселены крестьяне из внутренних губерний Европейской России по плану Главного Переселенческого Управления).

Дальнейшее движение происходило исключительно днем, от одного киргизского аула к другому. Общее направление было взято на г. Тургай.

Большевики прекратили преследование партизан на грани Оренбургского Войска и Тургайской Области.

При движении по степи казаки ни в чем не терпели недостатка - ни в пище, ни в фураже, ни в крове.

Отношение киргизов к казакам было вполне доброжелательное, если только они заранее узнавали, что идут не "большевики", а "меньшевики". (Западная часть Тургайского уезда, где проходил Атаман Дутов, населена наиболее культурными киргизскими племенами - аргыны, которые были настроены антибольшевицки. Враждебные им кипчаки, кочующие в восточной части Тургайской области, наоборот держали сторону большевиков). **После октябрьского переворота в представлении киргизов вся Россия разделилась на два лагеря: большевиков (красных) и меньшевиков (белых).**

В конце апреля Атаман Дутов вступил в степной городок Тургай, где неожиданно для казаков оказались казенные склады с продовольствием и артиллерийскими припасами, оставшимися здесь после ухода карательного отряда генерала Лаврентьева, усмирявшего в 1916 году взбунтовавшихся киргизов. (Как известно, киргизский бунт возник (не без немецкой агитации) на почве призыва киргизов в армию для тыловых работ во время Мировой войны. Бунтовали главным образом кипчаки, из аргын к ним примкнуло только два племени. Для усмирения бунтовщиков был послан в Киргизский и Тургайский уезды карательный отряд из трех родов войска под командой генерала Лаврентьева, который быстро навел порядок в степи).

За время месячной стоянки в Тургае - люди отдохнули, конский состав пополнился киргизскими "аргамаками", материальная часть - седла, тарантасы, оружие - подновлена. Были произведены и организационные изменения.

Все партизанские отряды соединены в один - под командой войскового старшины Мамаева, который теперь имел в своем распоряжении конную сотню, пулеметную команду и пешую сотню, передвигающуюся на тарантасах (по 4 стрелка на тарантасе, не считая кучера).

Все боеспособные беженцы были зачислены в пешую или конную сотни, остальных, в виде нестроевой команды, оставили при обозе. С местными властями - русскими и киргизскими - у Войскового Правительства установились самые хорошие отношения.

Советы еще не успели укорениться в степи. Старейшины окрестных племен относились к Атаману Дутову с большим уважением и всегда были рады видеть его у себя в аулах в качестве почетного гостя.

В Тургае Атаман Дутов простоял до конца мая, внимательно следя за всем, что происходило в Войске.

В то время, когда Атаман Дутов вел борьбу с большевиками в пределах 2-го Округа, офицеры, укрывшиеся по станицам и хуторам в районе Оренбурга, подняли восстание в верхних станицах (станицы лежащие по реке Уралу и реке Сакмаре выше Оренбурга) 1-го Округа и под командой войскового старшины Лукина организовали поход на Оренбург.

В начале дела у восставших шли хорошо. Комиссары из станиц были изгнаны, советы уничтожены. 4-го апреля, после жаркого боя, был взят Оренбург, но плохо организованные, и слабо вооруженные станичные дружины не могли удержать город в своих руках, и отступили.

Энтузиазм среди казаков сразу пал, сменившись всеобщей растерянностью. Дружины поспешно разошлись по домам, несмотря на попытки офицеров удержать их и привести в порядок.

Начался развал станиц: по требованию советских комиссаров большая часть оружия была у казаков отобрадена, многие офицеры и казаки - участники похода выданы и расстреляны. В числе первых жертв погиб войсковой старшина Лукин, схваченный большевиками в поселке Нежинском.

Таким печальным финалом завершился первый период борьбы Оренбургского Войска с советской властью.

Главнейшими причинами, повлекшими за собой поражение казаков, приходится считать следующие факты:

1) Непонимание казаками-стариками надвигавшейся на них в лице большевиков опасности; их неумение сорганизоваться и объединиться вокруг Войскового Правительства, слабая поддержка ими офицеров и партизанских отрядов, подавляющее большинство стариков было настроено антибольшевицки.

2) Отказ казаков-фронтовиков драться с большевиками по возвращении в Войско, причем многие из них оправдывались тем, что свой долг они исполнили в войне с внешним врагом, а Войсковую территорию должны

были, по их мнению, защищать старики, неспособные и все те, кто "сидел дома".

3) Сочувствие большевизму со стороны некоторой части фронтового и станичного казачества, особенно казачьей полуинтеллигенции.

4) Боязнь большинства станиц открыто вступить с большевиками в единоборство в виду их массового превосходства и успехов по всей России, отсюда желание: "нейтральстами", делегациями, контрибуциями и разными другими хитрыми махинациями, с одной стороны, отделаться от борьбы в рядах Войскового Правительства, а с другой - откупиться от большевиков и тем "спасти свои животишки".

5) Неприязнь между стариками и фронтовиками, возникшая, после возвращения последних с фронта домой, на почве расхождения во взглядах на большевизм и революцию.

6) Недоверие и даже враждебное отношение со стороны некоторой части фронтового казачества и вообще к "начальству", что встречало резкое осуждение среди стариков.

7) Отчужденность, а в некоторых станицах, и открытая вражда между зажиточными и бедными казаками, возникшая под влиянием агитации со времени провозглашения лозунга "организовать трудовое казачество".

8) Растерянность начальства на местах, которое ничего не предпринимало для борьбы с большевиками без указаний свыше. К организации станичных дружин было приступлено лишь после получения приказа Войскового Правительства, а партизанские отряды формировались в порядке частной инициативы активной частью офицерства. Особенно поразительную бездеятельность проявили Окружные Правления во главе с Окружными Атаманами, среди которых не оказалось ни одного деятельного человека.

9) Неподготовленность всего Войскового аппарата к новым формам борьбы, когда, наравне с чисто военными мерами, требовалось применение революционных методов, как-то: распространение среди населения воззваний, листовок, издание газет, посылка агитаторов и проведение террора - в отношении главарей большевицкого движения. (В Оренбурге вожаки местных большевиков за призыв к восстанию были арестованы в самом начале движения, но их, вместо того, чтобы немедленно предать военно-полевому суду, посадили в гражданскую тюрьму, откуда они благополучно бежали, не без содействия тюремной стражи). Вместо этого - и в тылу, и на фронте - все делалось по старому шаблону: писались приказы, рассылались циркуляры, составлялись журнальные постановления, которые в большинстве случаев в жизнь не претворялись и оставались мертвой буквой.

10) Обременение Войскового Правительства, по настоянию Войскового Круга, разного рода хозяйственными, домашними делами, когда, по обстановке, требовалось все внимание сосредоточить на фронте.

11) Слабая поддержка антибольшевицкой борьбы интеллигенцией и особо торгово-промышленным классом, которые рассчитывали "выехать на казачьих спинах", ничем не жертвуя: ни жизнью, ни деньгами, ни имуществом.

12) Недоверие и скрытая вражда к Атаману Дутову, как "контрреволюционеру", со стороны некоторых социалистических кругов, вносивших разложение в общий фронт борьбы.

13) Поддержка большевиков рабочими в городах и крестьянами в деревнях, соседних с Оренбургским Войском губерний и областей.

14) И, наконец, большое значение имела большевицкая пропаганда, которая вносила разложение в казачью среду и привлекала на сторону советов тех из казаков, кто хотел использовать большевизм в своих интересах или искренно поверил в правоту коммунистических лозунгов.

В заключение необходимо принять во внимание географическое положение Оренбургского Войска. Оно лежит между Европейской Россией, с одной стороны, Сибирью и Туркестаном - с другой, и прорезано двумя железнодорожными магистралями: на севере (у Челябинска) Великим Сибирским путем, а на юге (у Оренбурга) Ташкентской железной дорогой.

До революции земля Оренбургского Казачьего Войска входила в состав Оренбургской губернии и занимала ее южную, юго-восточную и отчасти северо-восточную части, простираясь от границ Уральского Войска (у Илецкого Городка) до границ Сибирского Войска (у Звериноголовской станицы). На юге и юго-востоке Войско примыкало к киргизской степи Тургайской области.

Установление прочной связи "революционного пролетариата" Петрограда и Москвы с рабочими центрами Сибири (Омск, Иркутск, Владивосток) и Туркестана (Ташкент) представляло для советских верхов задачу первостепенной важности. Без этого они не могли рассчитывать на взаимную поддержку и на быстрое распространение своей власти на восточной и юго-восточной части России.

Кроме того, большевики тянулись в Сибирь за хлебом и жирами, которые там имелись в изобилии, а в Европейской России в них ощущался недостаток, особенно в столицах. В Туркестане большевикам нужен был хлопок для фабрик и заводов.

Эти обстоятельства поясняют, почему большевики, оставив в покое до поры до времени Уральских и Сибирских казаков, территории которых

лежали в стороне, сразу навалились на Оренбургское Войско, преграждавшее им путь в Сибирь и Туркестан.

Немалую роль здесь сыграла и личность Атамана Дутова, которого большевики не могли оставить вне поля зрения и должны были постараться как можно скорее ликвидировать.

Второй период. (С мая по июнь 1918 года).

Заняв Оренбург и утвердившись на территории Оренбургского Войска, большевики сразу показали себя казакам.

Всюду - в городах и станицах - начались кровавые расправы, грабежи и разбой. Несколько станиц было сожжено до тла; миллионы пудов хлеба вывезены или уничтожены; тысячи голов лошадей и скота угнаны или зарезаны на местах; масса имущества разграблена. Все станицы и поселки, независимо от того, принимали участие в борьбе против большевиков или оставались нейтральными, заплатили денежные контрибуции и, затем, были обложены громадными налогами. Большевики всех казаков без разбора совершенно искренно считали врагами советской власти и потому ни с кем не церемонились. Много офицеров, чиновников, казаков и даже казачек было расстреляно; еще больше посажено в тюрьму. Особенно свирепствовали большевики в самом городе Оренбурге.

Такие мероприятия со стороны большевиков быстро отрезвили не только казаков-стариков, но и казаков-фронтовиков и заставили их взяться за оружие.

Первыми восстали линейные станицы, расположенные по реке Илеку. Сигнал к восстанию подала станица Изобильная. Сюда в 20-х числах февраля прибыла из Оренбурга партия матросов в 20 человек для взывания налогов. Матросы вели себя крайне вызывающе. Казаки возмутились и перебили всю банду. Тела убитых были спущены под лед в реку Илек.

Весть о происшедшем быстро разнеслась по окрестным станицам.

Казаки прекрасно понимали, что после расправы с матросами на них посыплются жестокие кары.

В станице Буранной был созван станичный сбор, на котором было решено, на всякий случай приготовиться и мобилизоваться. В ожидании событий наскоро собранные станичные отряды стянулись в район станиц - Изобильной и Буранной. Общим начальником был избран есаул Сукин, которого заменил подъесаул Донецков.

В середине марта для наказания жителей станицы Изобильной, за расправу со "сборщиками налогов", из Оренбурга по железной дороге двинулся отряд из трех родов оружия, силою в 800 человек. Во главе отряда шел губернский комиссар Цвиллинг.

Большевики настолько были уверены в беззащитности и покорности казаков, что от Илецкой Защиты двигались походным порядком без всяких мер охранения.

Казаки зорко следили за передвижениями красного врага; и когда большевицкая колонна стала приближаться к станице Изобильной, казачий отряд устроил засаду, укрывшись за церковной оградой и домами, окружавшими площадь.

Лишь только большевики втянулись в станицу, как казаки со всех сторон ударили на них. Через полчаса красного отряда не существовало: он был уничтожен начисто.

Трофеями казаков были: 4 пушки, 12 пулеметов, 700 винтовок, патроны и снаряды.

После "Изобильненского дела" настроение среди казаков сразу поднялось. К линейным станицам стали постепенно присоединяться низовые станицы, расположенные по обеим сторонам р. Урала ниже г. Оренбурга. В деле организации станиц и формирования станичных и партизанских отрядов главную роль играли офицеры.

Особенно большую деятельность в этот период борьбы проявили: войсковые старшины - Шмотин, Красноярцев, Корноухов; подьесаулы - Богданов, Нестеренко; сотники - Слотов, Тимашев, Мелянин, капитан Булгаков (не казак) и многие другие офицеры, укрывавшиеся от большевиков в своих станицах и поселках.

По мере формирования отрядов в их состав прибывали новые партии офицеров из Уральска, где они отсиживались после занятия Оренбурга большевиками.

Партизанские и станичные отряды стали производить усиленные налеты на Ташкентскую железную дорогу, связывавшую Оренбург с Самарой и Туркестаном. Партизаны разрушали путь, взрывали мосты, останавливали поезда, вылавливали комиссаров и большевицких агентов. Особенно частым нападениям подвергались участки, ближайшие к Оренбургу: между ст. Ново-Сергиевской и Платовской, и в районе Илецкой Защиты.

Штаб повстанческих отрядов обосновался сначала на правом берегу р. Урала - в ст. Нижне-Озерной, а затем перебрался на левую сторону - в ст. Кардаиловскую. Здесь для руководства борьбой был созван Съезд

делегатов от восставших станиц, который избрал командующим всеми отрядами войскового старшину Красноярцева.

Съезду Объединенных станиц пришлось решить ряд вопросов по части снабжения отрядов продовольствием и оружием и по установлению связи между станицами, а также с соседями Уральцами.

Пока большевики Уральцев не трогали, те ничем себя не проявляли, но как только красные отряды появились на Уральской земле - взялись за оружие. Первыми вступили в единоборство с большевиками Илецкие казаки, ближайšie соседи Оренбургцев. Во главе их встал доблестный полковник К.И. Загребин, с которым вошли в сношения Оренбургские станицы, расположенные по р. Илеку. Штаб полковника Загребина находился в г. Илек Уральской области.

Отсюда Уральцы, совместно с Оренбургцами стали производить налеты на Ташкентскую железную дорогу в районе ст. Ново-Сергиевской. Весной 1918 года все Уральское Войско от Илецкого Города до Гурьева - представляло собой сплошной военный стан.

В ст. Кардаиловскую на Съезд Объединенных станиц, прибыли представители шести Илецких станиц и два делегата Войскового Съезда из г. Уральска, чтобы установить единый фронт в борьбе с общим врагом.

Уральцы оказали помощь Оренбургцам снарядами и живой силой: две сотни Илецких казаков действовали совместно с Оренбургцами в районе ст. Ново-Сергиевской, а две сотни были направлены к Илецкой защите и к Оренбургу.

Как раз в это время на Самаро-Златоустовской и Сибирской железных дорогах началось Чехословацкое движение: Чехословаки, с помощью русских добровольческих отрядов, разогнали большевицкие банды и захватили Сызрань, Самару, Уфу, Челябинск, Омск, Иркутск и другие города Поволжья и Сибири. Центром противобольшевицкого движения сделалась Самара, где обосновалось Главное Командование Чехословацких войск и образовался Комитет Членов Учредительного Собрания.

Съезд Объединенных Станиц немедленно вошел в сношения с Чехословацким командованием и Комитетом. В Самару был командирован войсковой старшина Н.С. Анисимов. Кроме того, в Самаре укрывались от большевиков - Окружной Атаман 1-го Округа Каргин, войсковой старшина Тушканов и еще несколько офицеров-оренбургцев.

Образовалась целая Оренбургская миссия, которой удалось получить от чехословаков, от Комитета Членов Учредительного Собрания и от частных организаций немного оружия, патронов и денег. Все это в спешном порядке было отправлено под Оренбург.

К Атаману Дутову в Тургай Съезд Объединенных Станиц отправил делегацию, в составе члена Войскового Правительства Г.Г. Богданова и подесаула Пивоварова, с подробным донесением о положении дел под Оренбургом и с просьбой как можно скорее вернуться в войско, чтобы взять все руководство военными действиями и все дело борьбы с большевиками в свои руки.

Одновременно с депутатами от Съезда Объединенных Станиц прибыли в Тургай, это было в конце мая, два казака-партизана из Челябинска с извещением о выступлении чехословаков и восстании Оренбургских казаков в станицах 3-го Округа, а так же о ликвидации советской власти в Сибири.

В мае месяце почти весь 1-й Округ был охвачен восстанием и казачьи отряды начали окружать Оренбург со всех сторон. (Долго не присоединялась к восставшим станицам - станица Краснохолмская, против которой, в конце концов, были приняты крутые меры, в виде отправки карательного отряда). Только благодаря наличию у большевиков броневых поездов оставалась незанятой узкая полоса Ташкентской железной дороги в сторону Туркестана.

В середине мая большевики попробовали оттеснить казачьи отряды, окружавшие Оренбург. Для выполнения этого плана из Оренбурга был выслан конный отряд, который, пользуясь ночной темнотой, врасплох захватил станицу Павловскую. Немедленно со стороны казаков был брошен отряд есаула Асламова, казака Забайкальского Казачьего Войска, который принудил большевиков вернуться в Оренбург; образовавшийся был прорыв, был заполнен казачьими частями. Уходя в Оренбург, большевики сожгли станицу Павловскую.

Положение большевиков в Оренбурге с каждым днем ухудшалось. Особенно остро стоял продовольственный вопрос - были введены карточки.

Во второй половине июня месяца, оренбургские большевики, погрузив на поезда награбленное имущество и все вооружение, двинулись по Ташкентской железной дороге на юг, в сторону Актюбинска.

Многочисленные железнодорожные составы двигались под прикрытием бронепоездов и технических отрядов для исправления пути. Боевыми операциями в районе Илецкой Защиты со стороны казаков руководил генерал-майор Карликов, прибывший из Уральска. (Генерального Штаба генерал-майор Карликов не казак, он бывший командир Ларго-Кагульского пехотного полка, стоявшего в мирное время в Оренбурге).

Казачи, не имея в достаточном количестве оружия, с самодельными пиками, а иногда и просто с одними нагайками, неоднократно ходили в

атаки против уходящих поездов; взрывали железнодорожные пути и мосты, устраивали крушения, производили налеты на станции. Но, все-таки, часть большевицких поездов, благодаря броневикам, пулеметам и пушкам, а также хорошему техническому персоналу и особенно помощи, поданной Туркестанскими большевиками, проскочила в Актюбинск; часть же была захвачена казаками.

Отряд Николая Каширина, еще до полного обложения Оренбурга, ушел на север в пределы Башкирии, где к нему потом присоединились большевицкие части, вытесненные из Верхнеуральского района. Двигаясь Уральскими горами, Каширин проник сначала в Уфимскую, затем в Пермскую губернии, откуда ему удалось благополучно перебраться за Каму.

Атаман Дутов с Войсковым Правительством и партизанским отрядом прибыл из Тургая на территорию Войска во второй половине июня.

По пути следования он взял г. Иргиз, где обосновались было киргизские большевики и разоружил большевицкий гарнизон на станции Челкар, Ташкентской железной дороги (г. Иргиз и станция Челкар в киргизской степи).

Затем, двигаясь степью через "форт" Карабутак, благополучно миновал Орск и Актюбинск, в которых стояли красногвардейские части.

В пределы Войска Атаман Дутов вошел через станицу Ильинскую, где совершена была переправа на правый казачий берег Урала.

В это время на станцию Кувандык, Орской железной дороги, отстоявшую от станицы Ильинской в одном переходе, прибыл из Оренбурга большевицкий отряд с бронепоездом. На Кувандыкских высотах, под личным руководством Атамана Дутова, произошел встречный бой, в котором обе стороны понесли тяжелые потери. У казаков выбыло из строя - убитыми и ранеными несколько десятков лучших партизан. Но большевики были рассеяны и путь на Оренбург, вдоль Орской железной дороги, расчищен.

Обеспечив, таким образом, дальнейшее продвижение, Атаман Дутов двинулся к Оренбургу, подымая по пути следования те из станиц, которые еще не примкнули к восставшим, например, станицы - Никольскую, Верхнеозерную, Гирьяльскую и др. Во всех станицах и поселках Атамана Дутова встречали с хлебом-солью, служили благодарственные молебны. Особенно трогательной была встреча в станице Красногорской, население которой вышло с крестным ходом.

Силы Войскового Правительства увеличивались с каждым переходом, во всех попутных станицах формировались конные сотни, присоединявшиеся к партизанскому отряду.

Оренбург был очищен от большевиков отрядами войскового старшины Красноярцева и войскового старшины Корноухова, вступившими в город с двух сторон.

7-го июля состоялся торжественный въезд в Оренбург Атамана Дутова с Войсковым Правительством.

Все население Оренбурга встретило казаков с энтузиазмом, как избавителей от большевицкого ига.

Для встречи Войскового Атамана отряды, принимавшие участие во взятии Оренбурга, были построены в конном строю. Начальники отрядов, во главе с Окружным Атаманом 1-го Округа Каргиным, выехали вперед с рапортом и докладами о взятии города.

На Войсковой Форштадской площади перед "Войсковой Избой" архиепископом Оренбургским Мефодием было совершено торжественное молебствие в сослужении всего городского духовенства.

После богослужения состоялся прием депутаций и смотр войскам, закончившийся общим парадом.

Атамана Дутова приветствовали: Съезд Объединенных Станиц в полном составе своих депутатов, городское самоуправление во главе с городским головою, все местные организации и представители Комитета Членов Учредительного Собрания, приехавшие из Самары.

С момента прибытия в Оренбург Войскового Правительства все дело борьбы с большевиками и все управление Войском вновь было им взято в свои руки.

В северной части Оренбургского Войска восстание казаков началось одновременно с чехословацким движением. Раньше всего был освобожден от большевиков Челябинск, потом Троицк и лишь спустя некоторое время - Верхнеуральск.

3-й и 4-й Округа были очищены от большевиков довольно быстро. Большевицкие комиссары частью были уничтожены, частью спаслись со своими отрядами в Уральские горы и в Киргизские степи. (В распоряжении автора не было данных, касающихся восстания станиц и первоначальной борьбы с большевиками в районах г. Троицка и г. Челябинска).

Наиболее упорное сопротивление большевиками было оказано в пределах 2-го Округа, откуда их пришлось выбивать с большими усилиями. Особенно серьезные бои разыгрались под Верхнеуральском. Здесь верховодил "подьесаул" Каширин 2-й (Иван), перешедший на сторону большевиков одновременно со своим старшим братом

Кашириным 1-м (Николаем). По приказу красного "главкома", т.е. Каширина Ивана, в Верхнеуральске и ближайших к нему станицах было расстреляно много офицеров и видных жителей города, а также казаков занимавших общественные должности. В их числе погибли: бывший городской голова Полосин, доблестный войсковой старшина П.Ф. Воротовов, протоиерей Громогласов и др.

Для освобождения от большевиков Верхнеуральска казаки двинулись со стороны Миасса и Троицка.

В станице Кундравинской, 2-го Округа образовалась Военная Комиссия, во главе с бывшим членом Государственной Думы П.Ф. Вopiловым, которая обратилась к казакам с призывом - выступить против большевиков. На призыв Комиссии казаки ближайших станиц и поселков отозвались довольно дружно. Затруднения встретились с вооружением: почти все оружие в станицах было отобрано большевицкими карательными отрядами, однако некоторое количество винтовок было спрятано в земле и разных укромных местах. Представителям Военной Комиссии удалось получить несколько партий винтовок разных систем и патронов от чехословаков.

Не хватало командного состава; многие офицеры скрываясь от преследований большевиков, должны были покинуть под чужими именами, не только свои станицы, но и пределы Войска. Несмотря на недостаток оружия и офицеров Военная Комиссия сформировала два конных полка, силою до 1500 бойцов каждый, по преимуществу из казаков-партизанов.

Действия Кундравинской группы начались в сторону Верхнеуральска, куда полки двинулись двумя колоннами: 1-й полк шел вдоль Миасского тракта, а 2-й по Уфимскому тракту.

Первые боевые столкновения с красными отрядами произошли в районе Уйской станицы, которая несколько раз переходила из рук в руки. Понесся большие потери в людях и в материальной части, красные отошли к поселку Ахуновскому. Здесь действовал 1-й полк.

В то же время 2-й полк разбил большевицкий отряд у села Учалы, захватив пленных и оружие.

Сильно потрепанные красные отряды поспешно отошли к Верхнеуральску и при отступлении сожгли поселок Кидышевский. Обе казачьи колонны соединились в станице Карагайской. Сюда к ним на помощь прибыл 3-й полк, сформированный из казаков Уйской станицы. Все три полка перешли в станицу Урлядинскую, в 21-й версте от Верхнеуральска, и отсюда повели наступление на Верхнеуральск - с

фронта и в обход, чтобы отрезать путь отступления красным на Белорецкий завод - в Уральские горы.

Со стороны Троицка к Верхнеуральску подошла еще одна колонна казаков (у автора не было сведений относительно места формирования и численности колонны, двигавшейся к Верхнеуральску по Троицкому тракту) и отряд Анненкова.

"Атаман" Анненков, боевой офицер Сибирского Казачьего Войска, сформировал на свой страх и риск партизанский отряд из Сибирских и Оренбургских казаков.

Своими решительными действиями и крутыми расправами с большевицкими главарями "Атаман" Анненков производил большое впечатление на казаков, особенно на молодежь. В его отряд стекались добровольцы из всех станиц - Сибирских и Оренбургских.

На подступах к Верхнеуральску и в самом городе произошли горячие схватки. Красные не выдержали и в беспорядке отступили в горы по направлению к Белорецкому заводу, оставив в руках казаков пленных и богатую добычу.

Получив подкрепление из горно-заводского района Иван Каширин перешел в контрнаступление и выбил казаков из Верхнеуральска. Однако казаки быстро оправались, казачьи лавы снова ворвались в город и погнали отряды Каширина за р. Урал.

С остатками своих отрядов Иван Каширин, двигаясь горами, через заводы Белорецкий, Узьанский и Кагинский, ушел вглубь Башкирии, где соединился с отрядом своего брата Николая Каширина, отступившего от Оренбурга.

Казаки неотступно преследовали большевицкие отряды до пределов Уфимской и Пермской губерний.

Вместе с чехословацким движением поднялись и Сибирские казаки - восточные соседи Оренбургцев. Омск и Челябинск сделались опорными пунктами, откуда противобольшевицкое движение стало распространяться по всей Западной Сибири и по Уралу.

Отряды Оренбургских казаков, выдвинувшиеся со стороны Челябинска, участвовали, вместе с чехословаками и Сибирскими войсками, во взятии Екатеринбурга, где за несколько дней до прихода белых войск было совершено, по приказу из Москвы, зверское убийство Государя и всей Царской Семьи.

К августу месяцу территория Оренбургского Войска была очищена от большевиков. В их руках оставался только г. Орск, в котором красные держались до октября, благодаря поддержке, получаемой ими из Туркестана.

Успехи Оренбургских Казаков в этот период борьбы объясняются резким переломом, который произошел в настроении казачьей массы, воочию убедившейся, что казачеству с большевизмом не по пути.

Неумелая и жестокая политика большевиков, их ничем не прикрытая ненависть к казакам, надругательства над казачьими святынями и, особенно, кровавые расправы, реквизиции, контрибуции и разбои в станицах - все это открыло глаза казакам на сущность советской власти и заставило их взяться за оружие.

Выступление чехословаков и вовремя оказанная поддержка со стороны Уральцев и сибирских войск имели большое моральное значение. Оренбургские казаки увидели, что в борьбе с большевиками они не одиноки. Это сразу подняло их дух и окрылило надеждами на окончательную победу.

Третий период. (С июля 1918 года по январь 1919 года).

По освобождении Оренбурга от советской власти и по очищении Войсковой территории от большевицких банд, Оренбургское Войско не сложило оружия: оно продолжало борьбу за воссоздание России.

Но справедливость требует сказать, что после изгнания большевиков с казачьей земли, энтузиазм среди казаков сразу упал; появилось желание разойтись по домам, тем более, что наступило время сенокоса и уборки хлебов; многие казаки, по близорукости считали большевиков совершенно разгромленными; некоторые смотрели на борьбу вне территории Войска, как на дело, их не касающееся. Казакам понятен был лозунг борьбы "за родные станицы"; когда затрагивались их непосредственные интересы, но драться с большевиками "за мужичьи выгоды" - у них не было никакого желания, особенно, когда - во время преследования красных за пределами Войска - они увидели, что крестьяне соседних областей и губерний не только не восстают против большевиков, но по прежнему держат их сторону и всячески стараются вредить казакам.

Многие сотни рабочих Уральских горных заводов, побросав дома и семьи, уходили за большевицкими отрядами, пополняя их ряды.

Такие факты обескураживали казаков и еще более укрепляли их в мысли, что они свое дело сделали, большевиков из "родного Войска" выгнали и, следовательно, теперь могут со спокойной совестью, расходиться по домам, чтобы заняться своими казачьими делами и в первую голову приведением в порядок своих разоренных хозяйств.

Что касается дальнейшей борьбы за освобождение России - то от нее казаки отнюдь не отказывались, но считали, что такой грандиозный подвиг им не под силу, что - это дело не одних казаков, а всего русского народа и, в первую очередь, крестьян, которые теперь получили от государства и "землю и волю".

Под давлением таких настроений среди казачьей массы, Войсковому Правительству пришлось часть казаков, из наиболее старших возрастов, распустить по домам на полевые работы и в то же время разрешить начальникам частей широко применять кратковременные отпуска.

Эти меры сильно ослабили полки, а среди оставшихся под ружьем, породили недовольство.

Между тем большевики далеко не были сломлены. Главные их силы отошли к Актюбинску (г. Актюбинск, Тургайской области на Ташкентской железной дороге). Получив подкрепление из Ташкента, они приостановили свой отход и перешли к активной обороне. По обеим сторонам Ташкентской железной дороги в 150 верстах к юго-востоку от Оренбурга, образовался Актюбинский фронт.

Часть большевиков засела в Орске. Часть их отрядов из-под Оренбурга, Верхнеуральска и Троицка, укрылись в Башкирии - в пределах Уфимской и Пермской губерний. Из района Челябинска большевики отступили к Екатеринбург и далее за реку Каму.

Большая часть казачьих сил 1-го Округа была сосредоточена на Актюбинском фронте и под г. Орском. 2-й Округ выслал свои отряды для преследования красных в Башкирии и для блокады Орска. Полки 3-го и 4-го Округов были направлены на Уральское и Пермское направления, а частью на Актюбинский фронт.

Из Оренбурга один полк был послан в Самару на помощь войскам Комитета Членов Учредительного Собрания, а другой полк - к уральцам, в благодарность за оказанную ими поддержку.

Таким образом, Оренбургское казачество, помимо непосредственной обороны своей территории, приняло самое деятельное участие в борьбе с большевиками и на других фронтах.

Поэтому напряжение Войска, несмотря на роспуск части казаков по домам, было весьма значительно: под ружьем были оставлены все казаки до 34-х летнего возраста включительно и мобилизованы 19-летние из призывного разряда.

С первых же дней по освобождении Оренбурга Войсковое Правительство развило кипучую деятельность не только по ведению борьбы с большевиками, но и по направлению административно-

хозяйственной и торгово-промышленной жизни обширного Оренбургского Края, в состав которого вошли: область Войска Оренбургского, область Тургайская, губерния Оренбургская и уезды - Бузулукский (Самарской губ.) и Стерлитамакский (Уфимской губ.). (В Оренбурге находился Оренбургский губернский комиссар Богданович, поставленный Самарским Комитетом Членов Учредительного Собрания, но функции его были весьма ограничены и за городскую черту почти не выходили).

В оперативном отношении все действующие Оренбургские части, кроме находящихся на Екатеринбургском и Уфимском фронтах, были сведены в отдельную Оренбургскую армию, впоследствии переименованную в Юго-Западную.

Во главе армии стоял атаман Дутов, награжденный за освобождение Оренбурга чином генерал-майора.

На должность начальника штаба армии был привлечен полковник Вагин, молодой офицер генерального штаба с большими организаторскими способностями.

Вновь был создан Оренбургский военный округ со всеми военно-окружными управлениями. Главным начальником Округа был назначен Помощник Войскового Атамана, полковник Акулинин, произведенный в чин генерал-майора.

Должность начальника штаба округа была соединена с должностью начальника штаба Войска в лице заведующего военным отделом полковника Половникова, получившего чин генерал-майора.

Во главе военно-окружных управлений были поставлены лица с большим административным опытом; так, например, начальником Военно-Окружного управления был приглашен заслуженный профессор Николаевской Инженерной Академии, генерал-лейтенант Ипатович-Горанский (не казак); Военно-Окружным Интенданством - полковник Агапов, много работавший в голодные годы по хлебным заготовкам и снабжению населения Тургайской области; Начальником Военно-Окружного Артиллерийского Управления - полковник Исаенко, знаток артиллерийского дела и хороший организатор.

Совместительство руководящих должностей, т.е. Войскового Атамана и Командующего Армией, Помощника Войскового Атамана и Главного Начальника Военного Округа, Начальника Штаба Войска и округа - было проведено с целью избежать многоначалия, при котором всегда возможны личные недоразумения и ведомственные трения. Кроме того, имелось в виду, сосредоточить все руководство делом борьбы с большевиками в руках казаков, как местных людей, хорошо знающих край.

Оренбургские войсковые части, находившиеся в районе Челябинска, Екатеринбурга, Перми и Уфы, входили, вместе с Сибирскими отрядами в состав группы генерала Ханжина (генерал Ханжин - оренбургский казак, был известен в Русской армии как знаток артиллерии), подчиненного Сибирскому командованию. В Оренбургском уезде - на основании "устава о воинской повинности" - была объявлена мобилизация не казачьего населения (призывного возраста), из которого Штаб Армии сформировал стрелковую дивизию нормального типа.

В Оренбург прибыла из района Челябинска и Уфы Башкирская пехотная дивизия (в составе четырех полков без артиллерии и вспомогательных войск), сформированная Башкирским Правительством под руководством русских офицеров. Вместе с дивизией перебралось в Оренбург и Башкирское Правительство во главе с председателем Валидовым (Валидов - бывший учитель).

Было приступлено к организации киргизских конных частей, для чего штаб армии командировал в степь казачьих офицеров из татар и нагайбаков, как знающих киргизский язык.

У Войскового Правительства Оренбургского Войска начались оживленные сношения: с Комитетом Членов Учредительного Собрания, с Правительствами - Уральского и Сибирского Казачьих войск, с Башкирским и Киргизским Правительствами, а также с Чехословацким Командованием и представителями союзных держав: французами, англичанами и японцами.

Помимо всяких других причин, в силу географических, военных и экономических условий, Оренбургское Войско должно было поддерживать особо тесные и дружественные сношения с Самарой, Сибирью и чехословаками: оружие, огнеприпасы, обмундирование и деньги можно было получить только из этих трех источников.

В первых числах июля Атаман Дутов выехал в Самару и как член Учредительного Собрания вошел в состав Комитета, установив одновременно связь с Чехословацким Командованием. Из Самары он поехал в Сибирь для ведения переговоров с Сибирским Правительством на предмет дальнейшей борьбы с большевиками. На возвратном пути Атаман Дутов остановился в Челябинске и заезжал в Троицк, чтобы ознакомиться с положением дел в северных округах Войска.

С Сибирским Правительством у Атамана Дутова сразу установились сердечные отношения: тогда как с Самарским Комитетом, несмотря на ряд соглашений, хороших взаимоотношений наладить не удалось до самого конца существования Комитета. Да оно и понятно: в Сибири и Оренбурге преобладали государственные начала; Самарские же политики во главу

всех своих решений ставили партийную программу социалистов-революционеров.

Чехословацкими и русскими добровольческими отрядами (в числе коих наибольшую известность своими решительными действиями приобрел отряд генерального штаба полковника Каппель) были захвачены в Самаре, Симбирске и Казани громадные склады артиллерийского, интендантского, инженерного и санитарного имущества, а также золотой запас, который большевики при отступлении не успели вывезти из Казанского хранилища.

Все это перешло в ведение Комитета Членов Учредительного Собрания, а последний к отпуску всего необходимого Оренбургским казакам чинил всевозможные препятствия: и агентам Оренбургского Войска, приходилось прибегать к разным ухищрениям, чтобы получить хотя бы небольшое количество оружия и патронов, в чем так нуждалась Оренбургская армия.

Самарский Комитет смотрел на себя как на Верховную власть, которой должны были подчиняться все государственные образования, возникшие на территориях, освобожденных от большевиков.

Ни Сибирское Правительство, ни Войсковые Правительства Казачьих Войск такой точки зрения Комитета не разделяли.

После ряда переговоров решено было, для создания общегосударственной власти, созвать особое совещание из представителей всех государственных образований, общественных организаций и политических партий.

Предварительно для обмена мнениями депутаты Совещания съезжались в конце августа 1918 года в г. Челябинске, а затем в сентябре месяце открылось и само Государственное Совещание в г. Уфе. Члены Совещания сразу разделились на две группы: с одной стороны - представители Комитета, инородцев, социалистов-революционеров и меньшевиков; с другой - представители Сибири, Казачьих Войск, кадетов и народных социалистов. Правда, всех участников Совещания объединяла общая идея борьбы с большевиками за Учредительное Собрание, но первая группа настаивала на признании Учредительного Собрания, разогнанного большевиками; вторая же группа считала состав "Черновского" Учредительного Собрания, избранного в ненормальных условиях и состоявшего почти наполовину из большевиков и левых социалистов-революционеров, неправомочным, и мыслила борьбу за Учредительное Собрание, которое должно будет собраться по свержении советской власти, в новом составе.

Результатом Государственного Совещания в Уфе, в виде компромисса, явилась Директория из пяти лиц: Авксентьева, Зензинова, Виноградова, Вологодского и генерала Болдырева; последний был избран как главнокомандующий всеми армиями. Во время Государственного Совещания в Челябинске и Уфе, там же открылась Казачья Конференция, членами которой были представители Казачьих Войск, посланные на Совещание. Цель созыва Конференции заключалась в установлении единства взглядов казаков на создавшееся в России положение и в оказании взаимной помощи при борьбе с большевиками и разными антигосударственными течениями.

На Государственном Совещании казачьи делегации выступили не порознь каждая от своего Войска, а совместно - от лица всех Казачьих Войск, участвовавших на Конференции. Поэтому голос казачества при решении всех вопросов имел первенствующее значение. Но на дальнейшее течение событий постановления Конференции никакого влияния не имели; каждое Войско действовало самостоятельно. (На Государственном Совещании участвовали представители: Оренбургского, Уральского, Сибирского, Енисейского и Иркутского казачьих Войск. Во главе Войсковых делегаций стояли: от Оренбургского Войска - Войсковой Атаман Дутов (в Уфе) и помощник Войскового Атамана генерал Акулинин (в Челябинске); от Уральского Войска - Председатель Войскового Правительства Фомичев и генерал Хорошхин; от Сибирского Войска - Войсковой Атаман Иванов-Ринов и Председатель Войскового Правительства полковник Березовский).

У Войскового Правительства Оренбургского Войска еще в 1917 году возникла мысль об образовании Восточного Союза из трех Казачьих Войск: Оренбургского, Уральского и Сибирского, с привлечением к нему "вольных народов Башкурдистана и Казакстана", т.е. башкир и киргизов. В этот союз в будущем предполагалось включить и Туркестан, а затем соединиться с Юго-Восточным Союзом, составленным из Дона, Кубани, Терека и народов Северного Кавказа.

Члены Восточного Союза, самостоятельные в своих внутренних делах, должны были в политическом отношении составить одно целое и выступить на борьбу с большевиками единым фронтом. Был выработан проект договора для заключения союза и разослан всем предполагаемым участникам, но провести это начинание в жизнь, по многим причинам, не удалось, и сама идея Восточного Союза была похоронена на Государственном Совещании в Уфе.

Весною и летом 1918 года, на Средней Волге, на Урале и в Сибири, силами Чехословаков, русских добровольцев и казаков, большевики были ликвидированы сравнительно легко и быстро.

Для продолжения дальнейшей борьбы и установления порядка в освобожденных областях Сибирское Правительство сорганизовало, на началах воинской дисциплины, молодую Сибирскую армию, призвав под ружье, путем мобилизации, два младших возраста - 19-ти и 20-ти летних.

Самарский Комитет Членов Учредительного Собрания - еще до возникновения Директории - объявил мобилизацию в приволжских губерниях и приступил к формированию "Народной армии", порядки в которой сильно напоминали "керенщину". Мобилизация на территории Комитета протекала вяло; мобилизованные шли в армию неохотно; Комитет решительных мер не принимал. В конце концов, из "Народной армии" ничего не вышло: часть ее перешла на сторону красных, часть разбежалась, а остатки влились в Сибирскую и Оренбургскую армии, где стали служить на общих основаниях.

Между тем, советские верхи не дремали: они собрали все, что могли, и бросили на Восточный фронт.

К осени события на этом фронте стали складываться не в пользу белых сил: красные овладели Сызранью, Симбирском, Казанью и, наконец, Самарой. Утвердившись на Волге, они повели наступление на Урал по четырем направлениям: от Казани и Вятки на Пермь, от Симбирска на Уфу, частью на Оренбург и от Саратова на Уральск.

Наступление большевиков на Оренбург, со стороны Самары, вначале сдерживала Волжская дивизия, состоявшая из добровольцев-волжан и отступавшая из района Вольска, Хвалынска и Сызрани. На помощь к ней были переброшены с Актюбинского фронта Оренбургские казачьи части и из Оренбурга стрелковая дивизия, сформированная из неказачьего населения Оренбургского уезда. В Войске была объявлена мобилизация казаков - сначала до 45-ти, а потом до 55-ти летнего возраста.

Таким образом у Оренбургского Войска образовался новый - Бузулукский фронт - названный так по имени г. Бузулука (Бузулук - уездный город Самарской губернии на Ташкентской железной дороге) - правый фланг которого соприкасался с Уфимской группой (впоследствии Западная армия), а левый примыкал к уральцам. Командующим Бузулукской группой был назначен генерал-лейтенант Шишкин (во время Великой войны генерал-лейтенант Шишкин командовал Оренбургской дивизией).

Из 2-го и 3-го Округов часть мобилизованных полков были направлены: дивизия на Уфу - в Западную армию и бригада - в Екатеринбург - в Сибирскую армию.

Актюбинская и Бузулукская группы были усилены мобилизованными казаками из 1-го и отчасти из 2-го Округов. Кроме того, было сформировано несколько полков, в виде армейского резерва.

Снабжение оружием вновь мобилизованных частей встречало большие затруднения. Винтовок на всех казаков не хватало и доставать их приходилось с большим трудом; в патронах ощущался постоянный недостаток; пушки и пулеметы имелись в самом ограниченном количестве.

Падение Самары для Оренбургского Войска, помимо образования нового фронта, имело и другие весьма невыгодные последствия. С оставлением Самары терялся источник снабжения Оренбургской армии оружием и огнеприпасами (Сергиевский завод) и прерывалась железнодорожная связь с Сибирью. Из Оренбурга на восток к границам Сибири сплошного рельсового пути не было; между Орской и Троицкой железными дорогами оставался недостроенный участок в 300 верст. Следовательно, доставка из Сибири всего необходимого для Оренбургской армии теперь сильно затруднялась.

Много хлопот доставлял Оренбургскому командованию г. Орск, находившийся в тылу Оренбурга и отвлекавший значительные силы казаков, которые так нужны были на Бузулукском и Актюбинском фронтах.

Большевики, засевшие в Орске, держались прочно благодаря помощи, получаемой ими из Ташкента. Время от времени они делали вылазки и производили опустошительные налеты на окрестные хутора и станицы. Все попытки казаков овладеть Орском кончались неудачами.

В конце сентября Атаман Дутов решил, во чтобы то ни стало, покончить с Орском и сам лично отправился руководить операциями под этим городом.

Прежде всего, в станицах, прилегающих к г. Орску, он собрал все население: от малолетков до глубоких стариков; сформировал из них конные, пешие и "тележные" дружины и повел их на помощь полкам, осаждавшим Орск. Правда, помощь эта была скорее морального свойства, потому что большинство дружинников шло и ехало без оружия - лишь "для устрашения врага", только у некоторых стариков были заржавленные шашки и охотничьи ружья (до этого спрятанные от большевиков в земле), да самодельные пики.

Трое суток продолжались бои на высотах, окружающих Орск с северо-востока и северо-запада.

Большевики, пользуясь превосходством в артиллерии и, особенно в пулеметах, легко прорывали тонкие казачьи цепи, но всякий раз были вынуждены возвращаться назад под давлением казачьих лав.

Видя, как казаки постепенно спускаются с высот и облепают город со всех сторон, красные, наконец, не выдержали и, боясь быть отрезанными от своей базы, поспешно отступили на Актюбинск.

Казачьи полки, осаждавшие Орск, были немедленно переброшены на усиление Актюбинского и Бузулукского фронтов. Атаман Дутов за взятие г. Орска был произведен в чин генерал-лейтенанта.

В сентябре и октябре месяцах в Оренбурге заседал Войсковой Круг, созванный на чрезвычайную сессию, ввиду серьезности положения на фронте и в Войске. Помимо чисто внутренних хозяйственных дел, Круг уделял большое внимание фронту, где не все обстояло благополучно: было несколько случаев неисполнения боевых приказов и нарушения воинской дисциплины; участились самовольные отлучки; многие казаки отсылали или увозили казенное обмундирование домой; некоторые полки прибегали к грабежам и насилиям над мирным населением.

Для улаживания всех недоразумений депутаты Круга неоднократно выезжали на фронт - к полкам, где производили подробные расследования и давали казакам соответствующие указания в виде отеческих внушений или строгих приказов, требуя от фронтовиков неукоснительного исполнения приказаний начальства и соблюдения войсковой "субординации".

Приходилось прибегать и суровым мерам - до расстрела включительно. При всяком посещении фронта, каждый депутат Круга считал долгом подчеркнуть казакам необходимость борьбы с большевиками до полной победы.

В середине октября сессия Войскового Круга закрылась. Депутаты-старички разъехались по своим станицам, а депутаты мобилизованных возрастов - вернулись к своим полкам.

К концу осени положение на Актюбинском и Бузулукском фронтах с каждым днем становилось серьезнее. Большевики все время получали из центральной России и Туркестана подкрепления и усиливали напор.

Чтобы противопоставить натиску красных более упорное сопротивление: во чтобы то ни стало отстоять Оренбург, Атаман Дутов решил возвести ряд укрепленных позиций: на Бузулукском направлении - у станций Ново-Сергиевской, Платовки, Каргалы и станицы Сакмарской; на Актюбинском направлении - в районе Илецкой защиты и у станции

Донгуз. В конечном результате обе группы позиций предполагалось сомкнуть, прикрыв, таким образом, Оренбург полукольцом укреплений с запада и с юга.

Общее руководство работами по постройке укреплений принял на себя Начальник Военно-Окружного Управления генерал-лейтенант Ипатович-Горанский.

В качестве рабочей силы были привлечены военнопленные и крестьяне окрестных деревень.

Но благодаря недостатку денежных средств, отсутствию на местах строительных материалов и почти полной невозможности достать для рабочих теплую одежду, дело с постройкой позиций шло довольно медленно, и к тому времени, когда войскам пришлось на этих позициях вести бой, ни одна из них не была готова.

18-го ноября 1918 года в Омске произошел государственный переворот: Директория была свергнута; члены ее арестованы и высланы за границу, адмирал Колчак провозглашен Верховным Правителем.

Об Омских событиях Атаман Дутов получил немедленное извещение по телеграфу с просьбой адмирала Колчака о поддержке.

В тоже время Комитет Членов Учредительного Собрания, обосновавшийся после падения Самары в Уфе, всюду разослал телеграммы с призывом: не признавать новой власти. Войсковое Правительство Оренбургского Войска, после ряда совещаний, на которых была детально разобрана вся обстановка борьбы в тылу и на фронте, пришло к решению, что единственным выходом из создавшегося положения является признание власти Верховного Правителя, о чем немедленно было дано знать в Омск.

Но Башкирское Правительство, находившееся в постоянных сношениях с Комитетом Членов Учредительного Собрания, сочло Омский переворот актом антигосударственным и власти адмирала Колчака решило не признавать.

На такую же точку зрения стали - под влиянием воззваний Комитета лидеры местных социалистов-революционеров и меньшевиков, а также небольшая часть офицеров, солдат и казаков.

Главарь Башкирского Правительства Валидов в ночь с 1-го на 2-е декабря созвал в Оренбурге (в помещении Караван-Сарая) тайное совещание, на котором присутствовали: прибывший из Уфы член Учредительного Собрания Вадим Чайкин, Командующий Актюбинской группой генерального штаба полковник Махин, атаман 1-го Округа

Каргин, некоторые члены Башкирского Правительства и несколько офицеров (не казаков).

Валидов предлагал, с помощью сосредоточенных в Оренбурге четырех башкирских полков, арестовать Атамана Дутова и некоторых высших чинов Оренбургского Войска; объявить войскам и населению о непризнании адмирала Колчака и о подчинении Комитету Членов Учредительного Собрании. Но полковник Махин и Каргин находили такой переворот несвоевременным и опасным, ибо он мог повлечь за собой развал фронта.

Участники совещания ни к какому решению не пришли. Намечавшийся заговор был открыт одним башкирским офицером.

На следующий день полковник Махин получил от Командующего армией генерала Дутова командировку в Омск, откуда он выехал за границу. В командование Актюбинской группой вступил генерал-лейтенант Жуков (генерал Жуков во время Великой войны командовал вначале 3-м Оренбургским казачьим полком, потом бригадой, потом, под конец, 12-й кавалерийской дивизией).

Окружной Съезд 1-го Округа уволил Атамана Каргина от занимаемой им должности.

Валидов выехал в пределы Башкирии. Башкирские полки были выведены из Оренбурга на усиление правого фланга Бузулукской группы и для прикрытия территории Башкирии.

Вскоре Валидов перешел на сторону советской власти и увлек за собой часть башкирских войск; другая часть разбежалась по деревням и лишь небольшие остатки, благодаря русскому командному составу, удалось удержать в Оренбургской (Юго-Западной) армии. Как раз в это время большевики, потеснив части генерала Ханжина к востоку, заняли Уфу и Стерлитамак, откуда стали продвигаться через пределы Башкирии - в обход Оренбурга с севера.

Благодаря измене и уходу с фронта башкир правый фланг Бузулукской группы оказался обнаженным. В свою очередь на Актюбинском направлении красные перешли в решительное наступление и совершенно неожиданно для штаба Оренбургской армии заняли г. Илецкую Защиту (г. Илецкая Защита, известная своими соляными промыслами, находится в 60 верстах южнее Оренбурга).

Таким образом, к январю месяцу 1919 года большевики повели наступление на Оренбург с трех сторон: с севера, запада и юга.

Оренбургскому командованию пришлось спешно производить сложные маневры и перебрасывать войска с одного участка на другой. В полках ощущался недостаток в оружии, патронах и теплом обмундировании:

благодаря отсутствию сплошной железнодорожной связи с Сибирью все грузы приходили в Оренбург с большим опозданием. Наблюдалась усталость казаков от войны; боеспособность некоторых частей сильно понизилась; началось дезертирство, переход к красным, и как следствие всего этого - моральное разложение.

Большое смущение в ряды казачьей массы внесла измена башкир и участие в Валидовском заговоре бывшего Командующего Актюбинской группой полковника Махина и Атамана 1-го Округа Каргина. Как всегда бывает в гражданской войне, дело не обошлось без агитации и провокационных выступлений.

Несмотря на поголовную мобилизацию всего казачьего населения и другие экстренные меры, после ряда боев на Бузулукском и Актюбинском направлениях - причем, особенно упорные столкновения произошли в районе станции Ново-Сергиевской и у Илецкой Защиты - Оренбург был оставлен в ночь на 21 января 1919 года и на следующий день занят большевиками.

С потерей Оренбурга "армия потеряла сердце" - писал Атаман Дутов, отдавая приказ об отходе на восток.

Неоднократные попытки задержать наступление красных восточнее Оренбурга успехом не увенчались. Казаки катились назад, очищая станицу за станицей.

После ожесточенного уличного боя был сдан и г. Орск, с оставлением которого весь 1-й Округ оказался в руках большевиков. После падения Орска из полков 1-го Округа казаки стали расходиться по домам ватагами.

За Орском начиналась территория 2-го Округа, население которого при приближении большевиков поголовно уходило за отступающей армией. В станицах оставались только немощные старики да женщины с малыми детьми. Здесь отступление армии стало постепенно задерживаться, но часть станиц и 2-го Округа была занята красными.

Войсковое Правительство, штаб армии, штаб округа и все Войсковые и губернские учреждения, окружной суд, казенная палата и пр. по оставлении Оренбурга переехали в Троицк. (Кадетские корпуса - Неплюевский и 2-й Оренбургский, Военное училище, Николаевский женский институт были впоследствии перевезены из Троицка в Иркутск).

Многие жители г. Оренбурга из, так называемых, буржуазных классов при приближении большевиков выехали в Сибирь.

С оставлением 1-го Округа и потерей Орска железные дороги перешли в руки большевиков, благодаря чему связь красного Туркестана с красной Москвой была восстановлена и, наоборот, связь Уральского Войска с Оренбуржцами и Сибирью прервана.

Положение на остальных участках Восточного фронта в это время было следующее:

Уральцы, будучи отрезаны от Оренбургской (Юго-Западной) армии и от Сибири, вынуждены были оставить г. Уральск и отойти на юг к Калмыкову. Западная армия, отступив вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги на восток, приостановила наступление большевиков в глубь Уральских гор на линии р. Уфы; Сибирская армия вела бои к западу от Екатеринбурга.

После падения Уфы Комитет Членов Учредительного Собрания распался: видные члены Комитета во главе с Черновым перебежали к большевикам, остальные рассеялись.

В это же время снялись с фронта и ушли вглубь Сибири чехословацкие части.

В рассматриваемый период Оренбургское Войско вело борьбу с большевиками не в одиночку, а совместно с другими государственными образованиями, возникшими в Сибири, на средней Волге и на Урале, которые составили, так называемый "Фронт Учредительного Собрания". Пока был подъем, пока все действовали вместе, на фронте дела шли успешно. Но как только начались разногласия - фронт пошатнулся, и громадная территория с богатейшими городами была отдана большевикам; при этом власть, претендовавшая играть первую роль, но преследовавшая не государственные, а партийные цели и не создавшая за собой никакой реальной силы - сошла со сцены первой вместе с теми местными властями, которые ее поддерживали во имя своих эгоистичных интересов (Комитет Членов Учредительного Собрания и Правительством Башкирии).

Борьба Оренбургского Войска проходила в общегосударственном масштабе; Оренбургский фронт составлял нераздельную часть всего Восточного фронта; Оренбургское Командование не ограничивалось защитой одной Войсковой территории. В ущерб своим краевым интересам, когда того требовала общая обстановка, Атаман Дутов, по собственной инициативе, посылал целые полки на поддержку соседних фронтов, которые как раз нуждались в коннице.

Напряжение Оренбургского Войска было полное: в критический момент Войсковое Правительство не остановилось перед поголовной мобилизацией всего мужского населения, способного носить оружие.

Условия, в которых приходилось бороться Оренбургским казакам, были чрезвычайно трудные. В крае почти не существовало никакой промышленности, за исключением мукомольной, кожевенной и отчасти

мыловаренной. Поэтому все виды довольствия, кроме интендантского, приходилось доставать на стороне путем всевозможных ухищрений. Организовать правильное снабжение армии не представлялось возможным, прежде всего в силу географического положения Оренбургского Войска, которое, не имело в тылу оборудованной базы.

Помимо транспортных затруднений, недочеты в снабжении Оренбургской армии, в конце рассматриваемого периода, много зависели и от порядка, установившегося в Омской Ставке, когда в первую очередь удовлетворялись требования Сибирской и Западной армий и лишь остатки посылались в Оренбургскую (Юго-Западную) армию.

Последняя испытывала постоянный недостаток во всех видах армейского снабжения, особенно в пулеметах и пушках, которые к тому же в самые горячие периоды боевых столкновений вынуждены были иногда бездействовать из-за полного отсутствия патронов. Эти обстоятельства крайне неблагоприятно отражались на психике бойцов и понижали боеспособность частей. Тем более, что на стороне противника наблюдалось постоянное превосходство в огневых и технических средствах.

Тяжелой артиллерии, броневых машин, не говоря уже о танках и аэропланах, у казаков совсем не было. (В Оренбурге большевики оставили несколько поломанных аэропланов, к починке которых были приняты меры, но дело дальше пробных полетов не пошло из-за отсутствия исправных моторов). Броневые поезда были оборудованы на скорую руку из подручного материала своими средствами.

В боях с красными Оренбургские казаки проявляли большую доблесть и высокое мужество, несмотря на неблагоприятные условия боевой обстановки.

Недостаток в технике и в вооружении приходилось заменять живой силой и искупать лишней кровью.

Но военное искусство с обеих сторон сплошь и рядом отсутствовало. Многие боевые приемы и навыки, приобретенные за время внешней войны, почему то были забыты, и в борьбе с большевиками применялись редко.

Начальники всех степеней и рядовые казаки, под влиянием Великой войны, испытывали чрезмерное преклонение перед техникой, и очень часто забывали о маневре и бое в конном строю, для которых в условиях гражданской войны имелся широкий простор.

Среди казаков, защищавших непосредственно Войсковую территорию, подъем и энтузиазм - при успехах, часто сменялся упадком духа - при неудачах - особенно, когда приходилось отступать к границам Войска или вести бои на Войсковой территории, например, под Орском. В этих случаях

на настроении казаков сказывалась постоянная боязнь потери и разорения своих станиц, сопряженная с опасностью для родных и близких.

Неприглядная боевая обстановка многих казаков тяготила, в их среде чувствовалось утомление войной. В периоды затиший и во время отступлений появлялась тяга в станицы, с чем было трудно бороться. Но наряду с этим другая часть казаков проявляла большую выдержку и поразительную нравственную упругость, которая не гнулась ни при каких обстоятельствах.

Полки, находившиеся вдали от Войска - на Екатеринбургском и Уральском фронтах - были поставлены во всех отношениях - и особенно по части снабжения их оружием и огнеприпасами в лучшие условия, по сравнению с полками Оренбургской армии, по отзывам всех начальствующих лиц, зарекомендовали себя во всех боевых столкновениях с самой блестящей стороны, как образцовые боевые части. Настроение в этих полках всегда было бодрое; тяги в "родные станицы", которые были от них далеко - там не наблюдалось.

Башкиры показали себя хорошими солдатами, сохранившими - несмотря на революцию - старую дисциплину и уважение к старшим и к начальникам; но в политическом отношении это были люди совершенно темные; поэтому их главари могли ими пользоваться в каких угодно целях и увлечь в любую сторону, объяснив предварительно, что того или иного исполнения требует от них долг службы.

Все вышеуказанные обстоятельства, вместе взятые, повлекли за собою неудачи на фронте Учредительного Собрания вообще и в Оренбургском Войске в частности.

Четвертый период. (С февраля по май 1919 года).

В первых числах февраля 1919 года в г. Троицке собрался Войсковой Круг, на который прибыл из Омска Верховный Правитель.

В торжественном заседании, в присутствии представителей иностранных держав, Адмирал Колчак выступил перед Кругом с программной речью, в которой подтвердил все казачьи права и вольности и указал, что своей целью он ставит: доведение страны до Учредительного Собрания, а ближайшей задачей - борьбу с большевизмом.

На восстановление разоренных станиц и оказание помощи семьям мобилизованных казаков, Оренбургскому Войску была отпущена денежная субсидия.

Незадолго до посещения г. Троицка Верховным Правителем туда прибыли из Омска, для ознакомления с положением на Оренбургском фронте миссии: французская, английская и японская.

Миссии вошли в самые тесные сношения с Атаманом Дутовым, Войсковым Правительством, штабом армии и штабом округа.

Начальники миссий: французской - полковник Пишон, английской - майор Нельсон и японской - капитан Андо неоднократно выступали на Войсковом Круге с речами (все трое владели русским языком), в которых от имени своих правительств, обещали оказать казачеству и всему делу освобождения России всемерную поддержку, особенно по части снабжения оружием и разным военным имуществом.

С французской миссией прибыли: французская батарея, небольшой отряд пехоты и инструктора-пулеметчики с пулеметами разных систем.

Немедленно были организованы курсы для обучения молодых казаков пулеметному делу.

С целью детального ознакомления с положением в Оренбургской (Юго-Западной) армии и поднятия духа в войсках, на фронт выехали: майор Нельсон, французские офицеры (майор Гильоми, майор де Каранга, капитан Парис, поручик Фонтен и др.), которых население, при проезде через станицы, встречало с хлебом-солью и благословляло иконами.

С самого начала борьбы с большевиками среди казаков ходили всевозможные слухи о союзниках, прибытия которых ждали с нетерпением. Теперь при виде "настоящих" французских и английских офицеров и "подлинных" французских и английских солдат, не только простодушным старикам в станицах, но и всем казакам и офицерам на фронте казалось, что разговоры о союзнической помощи начинают претворяться в действительность и что помощь эта не за горами.

Появление французов и англичан среди Оренбургских казаков было встречено восторженно и было очень кстати.

Обстановка на фронте Оренбургской армии в это время представлялась в таком виде: части отходили на восток, сдавая большевикам одну станицу за другой; казаки, покидавшие фронт, насчитывались тысячами; во многих полках шло глухое брожение.

Для успокоения фронта, подъема настроения и разъяснения казакам происходивших событий были командированы депутаты Круга; в командном составе произведены изменения: так командиром 2-го Оренбургского казачьего корпуса назначен генерал-майор Акулинин (командующий 2-м Оренбургским казачьим корпусом генерал-лейтенант Шишкин, бывший командующий Бузулукским фронтом, получил назначение в Омск на должность заведующего коневодством, как знаток этого дела); его

место, Главного Начальника Оренбургского военного округа и Помощника Войскового Атамана занял генерал-лейтенант Тимашев; во всех частях произведена "чистка": ненадежный элемент всюду, по возможности, изъят; небоеспособные полки отведены в тыл и частью расформированы, частью приведены в должный порядок; причем были пущены в ход и крайние средства до расстрелов включительно; в составе Войскового Правительства также произошли некоторые персональные перемены: вместо Рудакова, Пономарева и Богданова членами Правительства были избраны: Арзамасцев, Вопилов и Мурат Качуров (мусульманин).

После ряда реформирований и пополнений Оренбургскую армию составили три корпуса: 1-й Оренбургский казачий корпус (1-я и 2-я казачьи дивизии) генерал-лейтенанта Жукова, действовавший в районе к северо-востоку от Орска - на Кустанайском направлении; 2-й Оренбургский казачий корпус (4-я и 5-я казачьи дивизии) генерал-майора Акулинина, прикрывавший Троицкую железную дорогу и г. Троицк - на Троицком направлении; и 4-й Оренбургский армейский корпус (3-я и 5-я стрелковые дивизии) генерал-майора Бакича (генерал-майор Бакич - серб по происхождению, в мирное время служил в одном из Сибирских стрелковых полков), оперировавший в Башкирии и прикрывавший горные заводы - на Верхне-Уральском направлении.

Общее количество полков, выставленных в это время Оренбургским Войском на Оренбургском, Уфимском и Пермском фронтах, доходило до 45-ти, не считая мелких отрядов и артиллерии. Во время Великой войны, согласно мобилизационного плана, было: 18 действующих и 3 запасных Оренбургских полка, один отдельный дивизион, гвардейская сотня, несколько отдельных сотен, 6 действующих и 3 кадровых конных батареи. Из сопоставления этих цифр видно, как велико было напряжение Оренбургского Войска в период гражданской войны.

4-й Оренбургский армейский корпус был образован: из 3-й стрелковой дивизии, бывшей в народной армии, основание которой положили добровольцы-волжане Хвалынского, Вольского и Сызранского уездов, составившие очень крепкое ядро этой дивизии; и 5-й стрелковой дивизии, сформированной Атаманом Дутовым из не-казаков Оренбургского уезда.

Весною 1919 года обстановка на Восточном фронте резко изменилась. В первых числах марта, после тщательной подготовки, армии Верховного Правителя перешли в энергичное наступление по всему фронту, причем главный удар должны были нанести Сибирская и Западная армии в Пермском и Уфимском направлениях; на Оренбургскую (Юго-западную)

армию возлагалась второстепенная задача - содействовать наступлению двух правофланговых армий.

В связи с оставлением Оренбурга и разложением некоторых Оренбургских полков, в Омске составилось представление об Оренбургских казаках как об элементе неустойчивом и малобоеспособном; считали, что Оренбургские казачьи части боевых операций в крупном масштабе самостоятельно вести не могут. Распространению такого мнения об Оренбургских казаках много способствовали офицеры и гражданские лица, по тем или иным причинам покинувшие Оренбург и ряды Оренбургской армии и отправившиеся искать счастья в Омск.

Как раз в это время у Атамана Дутова возникли нелады со ставкой, на почве снабжения Оренбургской (Юго-Западной) армии боевыми припасами; и затем произошли недоразумения с Омским Правительством, по вопросам, касающимся взаимоотношений Оренбургского Войска с центральной властью, которая не всегда правильно учитывала положение на местах.

Все представления Атамана Дутова перед Омскими правящими кругами были поддержаны Войсковым Кругом. Но в результате этого появилась крайне нежелательная натянутость отношений с обеих сторон и как следствие всего - престиж Оренбургского Войска в Омске сильно пал. Началось постепенное ослабление Оренбургской (Юго-Западной) армии путем выделения из нее некоторых войсковых частей.

Прежде всего, в виде привеска к Западной армии, была создана Южная группа, в состав которой, Омская ставка включила правофланговый - 4-й армейский корпус Оренбургской (Юго-Западной) армии и несколько отдельных Оренбургских казачьих частей.

К весне в Оренбургской армии осталось только два корпуса: 1-й и 2-й, которые совместно с Южной группой, в первой половине марта не только приостановили натиск большевиков, но и сами перешли в наступление.

Произошел ряд встречных боев - у станицы Кваркенской, поселка Кульмского и станицы Кизильской - сначала без решительных результатов для обеих сторон.

Большевики ни за что не хотели выпускать инициативы из своих рук и настойчиво пытались продолжать наступление. Особую активность проявляла 24-я советская дивизия, носившая название Железной, на участке 2-го Оренбургского казачьего корпуса.

Но казаки ощетинились во всю. Искусно маневрируя, они нанесли большевикам ряд коротких ударов - у поселков: Елизаветинского, Березовского и у деревни Верхней Сосновки - с захватом артиллерии,

обозов и пленных. Эти успехи ободрили казаков и подняли настроение в частях и станицах.

Большевики вынуждены были начать отход в сторону Башкирии (в Уральские горы). Казаки двинулись за ними. К сожалению, преследованию и маневрированию казаков и особенно действиям в конном строю мешали - глубокий снег и потом наступившая распутица. Перед Орском большевики попытались задержаться. Произошел ряд новых боев - у хутора Савельевского, поселка Орловского, станицы Таналыцкой и в районе киргизских аулов восточнее Орска. В этих боях казаки понесли большие потери, особенно в командном составе, но не приостановили наступления. По левому берегу р. Урала наступал 1-й, а по правому 2-й Оренбургские казачьи корпуса.

Наконец красные не выдержали. Командующий 1-й Советской армией товарищ Гай приказал своим частям отходить в двух направлениях: к западу на Оренбург и к югу на Актюбинск.

Несмотря на разлив рек и окончательную порчу дорог, казаки преследовали красных по пятам. Их новые попытки остановиться у г. Актюбинска - на Ташкентской железной дороге, и у станции Кувандык - на Орской железной дороге, окончились новыми неудачами. Головной участок Орской железной дороги у ст. Сары-Кувандык, был захвачен 2-м Оренбургским казачьим корпусом, а на Ташкентскую железную дорогу (у г. Актюбинска) - вышел 1-й Оренбургский корпус.

В первой половине апреля все верхние станицы 1-го Округа по рекам Уралу и Сакмарю, были очищены от большевиков. Орская железная дорога почти до самого Оренбурга, а Ташкентская от Актюбинска до Илецкой Защиты, перешли в руки казаков.

Этим прерывалась связь Центральной России с советским Туркестаном и восстанавливалась связь Оренбургцев и Сибири с Уральцами.

На линиях Ташкентской и Орской железных дорог казаки захватили большое количество подвижных составов с разным имуществом и сотни пудов хлеба, заготовленного и не вывезенного красными комиссарами.

К 20-му апреля 2-й Оренбургский казачий корпус, наступая между реками Сакмарой и Уралом, подошел к Оренбургу двумя колоннами: одной со стороны станицы Пречистенской, а другой со стороны станицы Каменно-Озерной. Генерал-майор Акулинин решил взять город с налету и повел свои части в атаку как раз накануне Пасхи.

Но атака окончилась неудачей. На главном направлении, вдоль полотна Орской железной дороги, наступал 42-й стрелковый Троицкий полк, незадолго перед тем получивший пополнение из солдат Кустанайского уезда (Тургайской области), которые оказались, как потом выяснилось,

ярыми большевиками. В самый решительный момент боя, кустанайцы, бывшие в передовых цепях, стали группами перебегать в сторону красных, а из резервных и фланговых рот открыли огонь по двум соседним казачьим полкам.

На участках, где наступали казаки, со стороны противника появлялись белые флаги и раздавались крики: "сдаемся" - но когда казаки прекращали стрельбу и подходили к окопам, оттуда по ним открывали пулеметный и ружейный огонь. В результате вся операция была сорвана.

Необходимо пояснить, что за недостатком в Оренбургской армии стрелковой пехоты, Атаман Дутов неоднократно просил Омскую Ставку усилить казаков хотя бы одной пехотной дивизией. Для этого была намечена вновь сформированная 2-я стрелковая дивизия, но, в действительности, прислан был лишь один 42-й полк, который вошел в состав 2-го Оренбургского казачьего корпуса.

В предшествующих боях этот полк дрался прекрасно, и понес большие потери. Перед наступлением к Оренбургу полку было прислано пополнение из Кустанайского уезда, находившегося в тылу Оренбургской (Юго-Западной) армии, где большевизм с самого начала революции пустил глубокие корни, особенно среди крестьян-новоселов. Там все время шло брожение, а временами вспыхивали вооруженные восстания целых волостей, подавляемые казаками с большим трудом и с большими жестокостями. Насильно мобилизованные кустанайцы прибывали на фронт озлобленными и настроенными в пользу большевиков.

Из 42-го стрелкового полка часть их перешла на сторону красных еще в бою под станцией Кувандык, а остальные перебежали во время ночного наступления на г. Оренбург, причем им удалось увести за собой нескольких офицеров и многих солдат из старого состава полка.

В следующие дни, приведя части в порядок, генерал-майор Акулинин снова перешел в наступление, и, после ряда атак, сбил красных с высот, командующих над подступами к Оренбургу (гора Алебастровая, Гребенская, массив Платова и др.); овладеть городом опять не удалось. Между тем, в частях вышли патроны, а на скорое получение их с тыла рассчитывать было нельзя.

Выше упоминалось, что непрерывной железнодорожной связи Оренбурга с Сибирью не существовало. Между Орской и Троицкой железными дорогами оставался еще недостроенный промежуток в 300 верст. К весне 1919 года Оренбургское командование успело продолжить конечные участки на 100 верст, но сомкнуть обе линии - за недостатком рельс - так и не удалось.

В этом месте - от ст. Карталы (Троицкой железной дороги) - воинские грузы перевозились гужом, на казачьих подводах, от станицы к станице. Перевозка производилась медленно и неаккуратно, а во время распутицы и совсем приостановилась.

Как уже неоднократно отмечалось, казаки всегда терпели недостаток в патронах; винтовок, пулеметов, пушек у них также как и раньше, не хватало. Большевики во всем этом превосходили казаков. Но особенное упорство и устойчивость красным частям придавали броневые поезда и броневые автомобили, которых у казаков в этот период не было.

Броневые автомобили, как новое средство борьбы, производили наиболее сильное впечатление на старых и молодых казаков, не бывших на фронте во время Великой войны.

Вслед за 2-м Оренбургским казачьим корпусом, преодолевая сопротивление красных, подошли к Оренбургу: с северо-востока из Башкирии 4-й Оренбургский армейский корпус генерал-майора Бакича (Южной группы) и с юго-востока, по Ташкентской железной дороге - 1-й Оренбургский казачий корпус генерал-лейтенанта Жукова (Оренбургской армии).

Генерал-майор Бакич повел энергичное наступление по правому берегу р. Сакмары в обход Оренбурга с запада. Но здесь произошла та же история, что и во 2-м Оренбургском казачьем корпусе, только в большем масштабе. Во время боев у станицы Сакмарской и Сеитовского посада мобилизованные солдаты позднейших пополнений открыли огонь по своим частям и перешли на сторону красных. В результате - целая бригада пехоты и казачий дивизион были сброшены в р. Салмыш (приток р. Сакмары). Такой неожиданный поворот подбодрил большевиков, и они стали действовать более активно, особенно когда выяснили через перебежчиков силы и группировку своих противников.

Наибольшую угрозу для них представлял 2-й Оренбургский казачий корпус, подступивший к Оренбургу вплотную. На небольшом участке между реками Уралом и Сакмарой командующий 1-й Советской армией товарищ Гай сосредоточил значительные силы, и в первой половине мая перешел в наступление с целью смять и отбросить 2-й корпус к востоку, но, встреченный контрударом, принужден был, с большими потерями, отступить на заранее подготовленные позиции у самого города.

Следующая попытка товарища Гая наступать против 1-го Оренбургского казачьего корпуса окончилась для него также неудачно: несколько красных батальонов было изрублено казаками в конной атаке. Генерал-лейтенант Жуков не ограничился действиями под самым Оренбургом. Его части, постепенно продвигаясь в западном направлении,

очистили от большевиков все линейные и низовые станицы (лежащие по р. Илеку и по левой стороне Урала), войдя в непосредственное соприкосновение с уральцами у Илецкого городка.

Таким образом, конец апреля и первая половина мая прошли в непрерывных боях вокруг Оренбурга. Большевиков спасали главным образом броневые автомобили, а также превосходство в артиллерии и особенно наличие большого количества пулеметов.

Кроме того, следует указать, что подошедшие к Оренбургу корпуса были разобщены между собою реками Сакмарой и Уралом, которые во время половодья представляют серьезные препятствия, почему связь между штабами корпусов поддерживалась слабо, а взаимная выручка часто отсутствовала. Но что самое главное - корпуса не были объединены общим командованием: действовали врознь и несогласованно.

4-й Оренбургский армейский корпус был подчинен командующему Южной группы генерал-майору Белову, а 1-й и 2-й Оренбургские казачьи корпуса получали директивы от штаба Оренбургской (Юго-Западной) армии. Атамана Дутова в это время на фронте не было. Занятый внутренними делами Войска, он вынужден был оставаться в Троицке, а затем, по соображениям высшей политики, уехал в Омск.

По должности командующего армией его временно заменил начальник штаба генерал-майор Вагин, который со штабом переехал в Орск; а в исполнение обязанностей Войскового Атамана вступил генерал-лейтенант Тимашев.

В двадцатых числах мая на участках 1-го и 2-го Оренбургских казачьих корпусов снова произошли ожесточенные бои, в которых ни одна из сторон решительного успеха не имела.

Но казаки ни за что не хотели отказаться от мысли овладеть Оренбургом, хотя в последних боях выяснилось, что красные в Оренбургском районе значительно усилились.

Командиры 1-го и 2-го Оренбургских казачьих корпусов, действовавшие до сих пор не вполне согласованно, стали готовиться к новой операции по овладению Оренбургом.

Для свободного маневрирования и взаимной поддержки было наведено через р. Урал два моста; принимались меры к возможно быстрому пополнению в частях боевых запасов; изучались до мельчайших подробностей подступы к Оренбургу; делались съемки местности; вычерчивались кроки; устанавливались батареи; производилась перегруппировка войска. Принимались меры и морального порядка: офицеры и заведующие в частях культурно-просветительными отделами вели с казаками и солдатами беседы, в которых разъясняли смысл

происходивших событий; усиленно печатались и распространялись среди войск и населения, а также перебрасывались к красным - приказы, воззвания, газеты. Одновременно с наступлением на фронте предполагалось выбросить конную группу на правый берег р. Урала (к западу от Оренбурга) для разрушения железной дороги (Оренбург - Самара) и нападения на противника с тыла.

В общем, намечалось повести на Оренбург методическое наступление, которое должно было завершиться конным ударом с фронта и с тыла. Всем казалось, что намеченная операция сулит несомненный успех и падение Оренбурга ожидалось со дня на день; но 20-го мая из Омска пришел приказ о расформировании Оренбургской (Юго-Западной) армии.

Этим же приказом создавалась новая - Южная армия, в состав которой должны были войти (после некоторых переформирований и перегруппировок) все части Оренбургской (Юго-Западной) армии и Южной группы, выделенной из Западной армии. Командующим Южной армией назначался генерального штаба генерал-майор Белов (командовавший Южной группой). Штаб Оренбургской (Юго-Западной) армии расформировывался и часть чинов штаба поступала на формирование разных учреждений Южной армии; остальные зачислялись в резерв.

Командующий Оренбургской (Юго-Западной) армией генерал-лейтенант Дутов получал новое назначение - Походного Атамана всех казачьих войск и инспектора Кавалерии, с оставлением Войсковым Атаманом Оренбургского Войска.

Весеннее наступление Сибирской и Западной армий - в составе которой действовали лучшие Оренбургские казачьи полки - увенчалось большими успехами: были взяты Пермь и Уфа; части Сибирской армии переправились на правый берег р. Камы и угрожали Вятке и Казани; Западная армия приближалась к Симбирску и Самаре; начал оживляться и фронт Уральских казаков; появились надежды на соединение армий Восточного фронта с Северной (Архангельской) и Добровольческой (Юга России) армиями.

Победы на Восточном фронте за рассматриваемый период способствовали укреплению власти Омского Правительства и высоко подняли имя Верховного Правителя - адмирала Колчака.

Оставление Оренбургскими казаками Оренбурга и недостижение крупных успехов на Оренбургском фронте умалили престиж Атамана Дутова и Войскового Правительства Оренбургского Войска, как в Сибири, так и среди казаков.

С весны 1919 года в Омских казачьих кругах не раз возникала мысль о созыве казачьего съезда и о создании центрального казачьего органа при Всероссийском (Омском) Правительстве.

Еще во время Директории в Омске было образовано Главное управление по казачьим делам, которое по своей конструкции мало чем отличалось от бывшего Главного Управления Казачьих Войск. Но при новом Главном Управлении состоялось Особое Совещание из выборных представителей от всех восточных казачьих войск, которое возбуждало и обсуждало разные вопросы по казачьим делам. Председателем Особого Совещания состоял начальник Главного Управления по казачьим делам генерал-майор Б.И. Хорошхин (Уралец), который входил в состав Совета Министров на правах товарища министра. В Особом Совещании как раз и разрабатывались проекты о казачьей власти и о казачьем съезде, но последующие события на фронте не позволили приступить к практическому осуществлению этих начинаний.

Из мероприятий Войскового Правительства Оренбургского Войска за это время необходимо отметить два неудачных постановления: во-первых, приказ о роспуске казаков старших сроков по домам, отданный в период наступления к Оренбургу, что сильно ослабило численный состав полков и вызвало недовольство среди не демобилизованных; во-вторых, приказ о прощении дезертиров с возвращением их в свои части. Благодаря последнему распоряжению, хотя численность некоторых частей и повысилась, зато боеспособность их значительно понизилась: большинство казаков, дезертировавших при зимнем наступлении и присланных в части при весеннем наступлении, были - или слепые эгоисты, или шкурники, или скрытые большевики. Оставление дезертирства безнаказанным внесло большое раздражение в рядах верных долгу казаков и явилось соблазном для слабодушных и колеблющихся.

Пятый период. (С июня по сентябрь месяц 1919 года).

В июне 1919 года в г. Троицке возобновил свои заседания Войсковой Круг. Им было санкционировано вступление Войскового Атамана генерал-лейтенанта Дутова в должность Походного Атамана и Инспектора Кавалерии.

Вызванная к жизни искусственно и получившая задачу действовать в пределах Башкирии и Оренбургского Войска, вновь сформированная Южная армия в начале себя ничем не проявила. Командующий армией

генерал-майор Белов производил перегруппировку войск, получал укомплектование, налаживал тыл и штабной аппарат. Период реорганизации и формирования новой армии продолжался весь июнь и часть июля.

В конце концов, Южная армия составила из пяти корпусов: 4-го, 5-го и 11-го армейских, 1-го Оренбургского казачьего и Сводно-Туркестанского.

2-й Оренбургский казачий корпус был расформирован; части его пошли на усиление 4-го и 11-го армейских и 1-го Оренбургского корпусов; командир корпуса генерал-майор Акулинин был отозван в Омск на должность начальника штаба Походного Атамана.

4-й Оренбургский армейский корпус генерал-майора Бакича, усиленный казачьими частями, вошел целиком в состав Южной армии.

5-й армейский корпус генерал-майора Элерц-Усова прибыл из Сибири.

11-й армейский корпус был сформирован генерал-майором Галкиным (генерал-майор Галкин раньше состоял Управляющим Военным Ведомством при Самарском Комитете Членов Учредительного Собрания) в районе г. Троицка из пленных красноармейцев, добровольцев и частью мобилизованных.

На формирование Сводно-Туркестанского корпуса была обращена Оренбургская казачья пластунская дивизия с 1-м линейным конным полком, выделенные из состава 1-го Оренбургского казачьего корпуса; пластуны и линейцы, после занятия Актюбинска, наступали вдоль Ташкентской железной дороги в сторону Туркестана; туда же были отправлены из Орска два стрелковых полка.

В состав 1-го Оренбургского казачьего корпуса, кроме его двух основных дивизий (1-й и 2-й) была включена еще одна (4-я) из расформированного 2-го корпуса. 1-й корпус в течение двух летних месяцев простоял под Оренбургом, не предпринимая никаких активных действий, т.к. не получал соответствующих директив из Штаба Армии.

Весенние успехи армии Верховного Правителя сильно встревожили большевиков, но они как раз к этому времени покончили с Украиной и захватили Крым: у них освободились значительные силы, которые были немедленно переброшены на Восточный фронт, после чего красное командование повело здесь решительное наступление, особенно со стороны Самары.

К моменту перехода большевиков в наступление Сибирская и Западная армии, пройдя с непрерывными боями громадные пространства, понесли большие потери; части были измотаны, наступательный порыв в них

ослабел; необходима была временная передышка и укрепление за собой занятой территории. Но желание поскорее выйти к Волге побудило высшее командование безостановочно двигаться вперед; тыл, как всегда, не поспевал за фронтом; части текли все больше и больше, причем выбывали из строя главным образом лучшие элементы: добровольцы и молодежь, для пополнения убыли была произведена мобилизация и сформировано несколько частей из пленных красноармейцев.

Но мобилизованные - большей частью развращенные и зараженные большевизмом еще на фронте Великой войны - комитетчики, и бывшие красноармейцы, в первых же боях по одиночке, партиями и даже целыми частями с оружием в руках переходили на сторону красных или разбегались.

В первых числах июня Западная и Сибирская армии, под давлением большевиков, стали отходить на восток; за ними потянулся и правый фланг Южной армии. Были оставлены: Пермь и Уфа, а затем Екатеринбург и Челябинск. К концу июля весь Уральский горнозаводской район находился в руках красных. Остатки Сибирской и Западной армий, а в их составе дивизия и бригада Оренбургских казаков - уже отходили по ту сторону Уральских гор в пределы Западной Сибири.

С потерей Челябинска Южная армия и Оренбургское Войско лишились железнодорожной связи со своей базой Сибирью.

После захвата большевиками Троицка и Кустаная и занятия ими территории 3-го и 4-го Округов, создалась угроза не только правому флангу, но и тылу Южной армии. С падением Троицка, служившего промежуточной базой, тыл Южной армии повис в воздухе, а ее коммуникационные пути терялись в бесконечных степных пространствах.

Перед командующим Южной армией стала дилемма: принять ли удар большевиков, оставаясь на занимаемых позициях, или, не теряя связи со своей базой (Сибирью) и не отрываясь от соседей (Западной) армии, отходить на восток в хлебородный Атбасарско-Кокчетавский район. Генерал-майор Белов решил: "или умереть на своей фланговой позиции или разбить врага", и в соответствии с этим решением приступил к перегруппировке войск. Некоторые командиры корпусов, учитывая общее стратегическое положение и моральное состояние своих войск, настойчиво советовали Командующему, прикрывшись арьергардами и заслонами, отходить на восток. Отрываясь от Сибири, Южная армия поворачивала тылом к пустынным степям Туркестана, занятого большевиками.

Вдоль Ташкентской железной дороги действовал небольшой и только что сформированный - Сводно-Туркестанский корпус, состоявший главным образом из пластунских и конных казачьих частей, выделенных

из 1-го Оренбургского казачьего корпуса. В течение лета эти части под командой полковника Фаддеева, довольно успешно продвигались вперед, захватывая у красных одну станцию за другой. В первых числах августа полковник Фаддеев подошел к Аральскому морю; но как раз в это время большевики получили подкрепление с Асхабадского фронта и стали оказывать упорное сопротивление.

Оттеснив Сибирскую и Западную армии за Уральский хребет, большевики в начале августа повели наступление против Южной армии. В районе Оренбурга, перед фронтом 1-го Оренбургского казачьего корпуса, в командование которым в конце июля вступил командированный из Омска генерал-майор Акулинин, были сосредоточены значительные силы красной конницы и пехоты (генерал-лейтенант Жуков был отозван для занятия должности в тылу).

Фронт 1-го корпуса был сильно растянут. 1-я Оренбургская казачья дивизия генерал-майора Смирнова стояла кордоном к северу от р. Сакмары.

4-я Оренбургская казачья дивизия генерал-майора Лосева занимала промежуток между реками Сакмарой и Уралом в районе станиц - Пречистенской и Каменно-Озерной. Дивизия имела задачу: прикрывать Орскую железную дорогу с тем, чтобы при первой возможности перейти в наступление для овладения Оренбургом. Участок 2-й Оренбургской казачьей дивизии полковника Шеметова тянулся на несколько десятков верст вдоль левого берега р. Урала, от поселка Благословенского до станции Рассыпной (станция Рассыпная расположена на границе Оренбургского Войска с Уральским Войском).

Главные силы дивизии были расположены по линии Ташкентской железной дороги против г. Оренбурга, где противников разделяла только р. Урал; все пригородные рощи и дачные поселки были заняты казаками. Ниже г. Оренбурга сплошного расположения не было; река наблюдалась разъездами, и лишь в пунктах вероятных переправ были выставлены сторожевые заставы. В распоряжении командира корпуса никаких резервов не было.

По прибытии к месту нового назначения генерал-майор Акулинин попытался перейти в наступление на участке 4-й дивизии между реками Сакмарой и Уралом, где местность благоприятствовала скрытому подходу (холмы, овраги); однако красные за лето здесь укрепились, атаки казаков были отбиты. Тогда командир корпуса решил принять более сосредоточенное расположение, чтобы выделить маневренную группу для активных действий. Части корпуса стали готовиться к перегруппировке,

но в этот момент красное командование переправило через р. Урал, ниже г. Оренбурга, конную дивизию, которая без труда оттеснила сторожевые казачьи отряды и вышла во фланг 1-му корпусу. Вслед за этим большевики повели решительное наступление вдоль Орской и Ташкентской железных дорог.

Растянутые части 1-го корпуса не могли сдержать большевицкого натиска и стали постепенно отходить на восток, задерживая противника на попутных рубежах. Наиболее упорное сопротивление оказывала 2-я дивизия полковника Шеметова.

В то же время обозначилось наступление большевиков и на фронте соседнего 11-го армейского корпуса генерал-майора Галкина, действовавшего севернее Орской железной дороги. 11-й корпус, как упоминалось выше - был сформирован преимущественно из пленных красноармейцев: к нему были приданы башкирские и казачьи конные части.

При первых же боевых столкновениях в 11-м корпусе началось дезертирство и переход на сторону красных, сначала по одиночке и небольшими группами, а потом целыми частями: так целиком сдалась Башкирская конная бригада; были случаи когда свои же части открывали огонь по своим. В результате измены и предательства на участке 11-го корпуса образовались интервалы, совершенно свободные от войск: резервов для их занятия не было. Красные ринулись в эти промежутки и захватили Орск - передовую базу Южной армии, где были сосредоточены запасы артиллерийского, инженерного и интендантского имущества и где находился штаб армии.

Спешно переброшенный из Башкирии в район Орска 5-й корпус уже не мог восстановить положение, и лишь на время задержал развитие успеха большевиков. С захватом Орского участка Южная армия разрывалась на две части: 4-й Оренбургский армейский корпус генерал-майора Бакича оставался севернее Орска, а все остальные корпуса оказались к югу и юго-западу от него. 1-й Оренбургский казачий корпус генерал-майора Акулинина сдерживал натиск противника по обеим сторонам р. Урала между Орской и Ташкентской железными дорогами - причем особенно ожесточенные бои произошли у ст. Мартук; но вследствие падения Орска, когда противник очутился в тылу, и обхода левого фланга конницей красных, части 1-го корпуса принуждены были отойти к Актюбинску.

Штаб Южной армии переехал - сначала в Актюбинск, а затем, постепенно спускаясь по Ташкентской железной дороге на юг, остановился на ст. Челкар в киргизской степи. Для удержания Актюбинского района была образована, так называемая, Северная группа, в составе 11-го, 5-го и

1-го Оренбургского казачьего корпусов, но уже 2-го сентября, после короткого боя, Актюбинск был оставлен. К Актюбинску были сосредоточены силы, достаточные для обороны города и его окрестностей, по крайней мере, в течение нескольких дней; но разложение уже настолько охватило войска, что части, оборонявшие Актюбинск, после нескольких выстрелов - или отступали или передавались красным; в начальника обороны г. Актюбинска, генерал-майора Комаровского, стреляли свои же солдаты.

Видя неустойчивость фронта, Командующий Южной армией решил пробиваться в Туркестан. Туда вел единственный путь - Ташкентская железная дорога, пролегающая на целые сотни верст по безводной пустыне; других путей подготовлено не было. Пробраться по такой узкой кишке целой армии - хотя и сильно уменьшившейся численно - едва ли представлялось возможным, особенно без запасов продовольствия. Правда, генерал-майор Белов рассчитывал заготовить хлеб и фураж в районе станций Челкар и Эмба, но, благодаря недостатку транспортных средств, и быстрой смене событий, подвезти к железной дороге ничего не удалось. Кроме того, путь отхода был закупорен большевицким отрядом, упорно удерживавшим ст. Аральское Море, а в то же время и со стороны Актюбинска противник наседал во всю. Генерал-майор Бакич, находясь к северу от Орска и считая отход своего корпуса на юг невыполнимым, двинулся на восток, о чем и донес командующему армией.

После падения Актюбинска туда же направился с небольшими остатками 11-го армейского корпуса генерал-майор Галкин. На юг по обеим сторонам Ташкентской железной дороги отходили 5-й армейский и 1-й Оренбургский казачий корпуса. По мере отхода деморализация среди войск увеличивалась все больше и больше. Разложению и панике способствовали многочисленные обозы и караваны беженцев, запрудившие все дороги. Тайные и явные агитаторы большевиков в это время уже энергично работали, играя главным образом на том, что начальство ведет солдат и казаков в "пески", где нет ни воды, ни хлеба и где всех ждет неминуемая гибель. Был пущен в ход провокаторский слух, что генерал Белов - немец (его бывшая фамилия Витекопф), ставленник большевиков и что он преднамеренно ведет армию к катастрофе.

Все эти слухи, сплетни и разговоры, явная и тайная агитация, в связи с неудачами на фронте и недостатком продовольствия, действовали угнетающе не только на малосознательную солдатскую массу, но и [на] неустойчивую часть офицерства. Пробиваться с такими войсками на Ташкент нечего было и думать. Тем более что, узнав о неудачах под Актюбинском, некоторые части Сводно-Туркестанского корпуса,

действовавшие против станции Аральское море, открыли фронт. 42-й стрелковый Троицкий полк перешел на сторону красных (тот самый полк, который в апреле месяце сорвал атаку Оренбурга во 2-м Оренбургском казачьем корпусе), а 2-й пластунский полк, захватив подвижной состав, двинулся по железной дороге к северу навстречу большевикам, и на ст. Челкар едва не арестовал штаб армии.

Генерал-майор Белов все еще пытался восстановить фронт, но это было невозможно: большая часть войск к этому времени представляла собой деморализованные митингующие массы. Чтобы спасти офицеров и хотя бы кадры полков, командиры 1-го Оренбургского казачьего и 5-го армейского корпусов настойчиво просили командующего армией, как можно скорее вывести еще уцелевшие части из моря разложившихся тылов с тем, чтобы, оторвавшись от противника, начать планомерный отход.

Генерал-майор Белов, отказавшись от мысли пробиваться на Ташкент, предлагал сначала отойти с остатками армии к Каспийскому морю: но затем перерешил, и отдал приказ двигаться на восток - в сторону Атбасара (г. Атбасар, Акмолинской обласим, находится на территории Сибирского казачьего войска). Однако к этому времени большинство солдат и казаков по одиночке и группами, ротами и сотнями, с оружием и без оружия - ушло на север сдаваться красным или разбрелись по аулам и поселкам.

В район ст. Джурун и г. Темира (г. Темир и ст. Джурун, Тургайской области, находятся в пределах Киргизской степи) вышли остатки 1-го Оренбургского казачьего и 5-го армейского корпусов и разные тыловые учреждения. От ст. Джурун на Атбасар путь проходил по бесплодной киргизской степи; по дороге лежало только два небольших городка - Иргиз и Тургай; у оставшихся частей не было в запасе - ни хлеба, ни сухарей, ни фуража. На заготовку всего этого не имелось времени, да и не на чем было везти: все транспорты и обозы расстроились и разбежались.

Генерал-майор Акулинин и генерал-майор Элерц-Усов находили, что пускаться в длинный путь на восток с остатками деморализованных частей без запасов продовольствия рискованно и настаивали на отходе к западу - в Уральскую область. Путь здесь был короче, и по дороге можно было найти небольшие запасы хлеба и фуража.

Генерал-майор Белов с этим предложением не согласился. Пока шли переговоры между штабами корпусов и штабом армии, части 5-го армейского корпуса, сосредоточенные в районе ст. Джурун, открыли огонь друг по другу: одни хотели уходить на север к большевикам, другие их не пускали. В результате большая часть 5-го корпуса разбежалась или ушла к красным; небольшие группы, по инициативе частных начальников,

потянулись на запад и, следуя по рекам Эмбе и Сагизу, вышли впоследствии на Жилую Косу (рыбачий поселок на восточном берегу Каспийского моря) и к г. Уилу.

Командир 5-го армейского корпуса, генерал-майор Элерц-Усов со штабом и последними остатками своих войск ушел на восток. В 1-м Оренбургском казачьем корпусе, после боев под Актюбинском относительный порядок сохранился, в 1-й дивизии генерал-майора Смирнова, которая вышла западнее Ташкентской железной дороги - к г. Темиру. Наибольшему разложению подверглась - 2-я дивизия полковника Шеметова и 4-я дивизия генерал-майора Лосева, отходившие восточнее железной дороги и попавшие в гущу обозов и беженских таборов. Начальники обеих дивизий с остатками своих частей, отошли в направлении на г. Иргиз, откуда в спешном порядке двинулись на восток, не успев предупредить о своем уходе даже командира корпуса. В арьергарде 1-го Оренбургского казачьего корпуса, прикрывая железную дорогу, отходил 21-й Оренбургский казачий полк (2-й дивизии) войскового старшины Керенцева. При приближении к ст. Джурун полку пришлось пробиваться с боем через толпы солдат 5-го корпуса, двигавшихся на север к красным. Вокруг генерал-майора Акулинина на ст. Джурун сгруппировалось около 500 офицеров и казаков разных частей, среди которых создалось определенное настроение идти на запад - к Уральцам. Как раз в это время в штаб 1-го Оренбургского казачьего корпуса прибыли гонцы из Уральского Войска с вестями о блестящих победах, только что одержанных Уральской армией, над советскими войсками.

Корпусная радиостанция ежедневно сообщала об успехах Добровольческой армии на путях к Москве и Саратову. Появилась надежда на скорое соединение Уральского фронта с Добровольческой армией. Поэтому отрываться от Уральцев, терять связь со своим Войском и уходить на восток, при полной неизвестности о положении в Сибири всем офицерам и казакам казалось нецелесообразным.

Считаясь со всеми этими обстоятельствами и имея в виду, что наиболее сохранившаяся от разложения 1-я дивизия находилась к западу от Ташкентской железной дороги, командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса решил двинуться на запад - к пределам Уральского Войска - и отдал приказ о выступлении на г. Уил. Части корпуса выступили со ст. Джурун 9-го сентября. В тот же день ст. Джурун была занята взбунтовавшимися пластунами, прибывшими с юга. Поход совершался по Киргизской степи двумя колоннами: полки 1-й дивизии шли по тракту Темир - Уил, а штаб корпуса с остатками войсковых частей и тыловых учреждений, под прикрытием отряда Особого назначения есаула Крылова

следовал южнее - караванным путем вдоль р. Сагиза. Между 15-22 сентября остатки 1-го Оренбургского корпуса собрались в степном городке Уиле, расположенном на реке того же названия (г. Уил - бывшее Уильское укрепление - Уральской области, находится в 250 верстах южнее г. Оренбурга и в 180 верстах восточнее г. Калмыкова. Известен своей богатой "Уильской ярмаркой" на которую съезжается "вся степь", а также купцы из Юго-Восточной России, Хивы, Бухары и Туркестана). По дороге много казаков разбежалось и до Уила дошло всего 2000 человек.

Командующий Южной армией генерал-майор Белов с частью своего штаба уехал в Атбасар, где стал собирать остатки своей армии, ушедшие на восток. Вскоре он был вызван в Омск, и его место, по распоряжению Омской ставки, заступил генерал-лейтенант Дутов, только что вернувшийся с Дальнего Востока, куда он ездил, в качестве Походного Атамана, для ознакомления с положением дел в Забайкальском, Амурском и Уссурийском Казачьих Войсках.

В районе Атбасара - Кокчетава, на территории Сибирского Казачьего Войска, к Атаману Дутову постепенно собрались офицеры, казаки и солдаты Южной армии, которым удалось пробраться на восток. Сюда же подошел Окружной Атаман 2-го Округа Захаров со своим отрядом в 3000 человек и некоторые отдельные Оренбургские полки и сотни, бывшие на разных участках фронта. Вместе с воинскими частями прибыли многочисленные обозы беженцы из Оренбургских станиц.

К Атбасару вышел и 4-й Оренбургский армейский корпус генерал-майора Бакича с Отдельной казачьей бригадой лихого партизана Разумника Степанова, который при отходе от Троицка и Кустаная успел нанести красным отрядам ряд жестоких ударов. Всего к Атаману Дутову собралось около 20 000 человек. Немедленно было приступлено к формированию армии, под именем Оренбургской, которая по плану Ставки должна была действовать совместно с мобилизованными Сибирскими казаками, южнее Сибирской железнодорожной магистрали.

После поражения, нанесенного на востоке Сибирской и Западной армиям, трудно было рассчитывать, чтобы Южная армия, предоставленная самой себе, могла выдержать очередной удар объединенных советских сил. Но, с другой стороны, едва ли кто мог допустить такой быстрый и катастрофический конец, какой постиг армию генерал-майора Белова. Казалось, что армия, состоявшая из пяти корпусов, хотя и неполного состава, в состоянии была оказать большевицкому натиску более упорное и длительное сопротивление, чем

это произошло в действительности. Следовательно, были какие-то причины, которые способствовали развалу войск и ускорили гибель Южной армии.

Эти причины можно усмотреть в следующих фактах:

1) Расформирование Оренбургской (Юго-Западной) армии и формирование вместо нее Южной, повлекло за собой перерыв в операциях и перетасовку войск, что совершенно не вызывалось обстановкой.

Оренбургская (Юго-Западная) армия представляла собой не мертвый труп, а живой организм, который сначала разрезали на куски, а потом снова соединили под именем Южной армии; но вдохнуть жизнь в новый организм не сумели и не успели: большевики скоро перешли в наступление.

2) Уничтожение Оренбургской (Юго-Западной) армии, созданной казаками, состоявшей главным образом из казачьих частей и под командой казака (Атамана Дутова) - больно ударило по самолюбию всех Оренбургских казаков и, несомненно, отразилось на их настроении отрицательным образом. Обстановка требовала не расформирования Оренбургской (Юго-Западной) армии, а усиления ее пехотными частями и техническими средствами.

3) Командующий Южной армией со своим планом оставаться на месте - в пределах Башкирии и в области Войска Оренбургского - после того как связь с соседней (Западной) армией и с основной базой (Сибирью) - была прервана - поставил армию в критическое положение: армия оказалась без тыла. Решение же генерал-майора Белова, после неудач под Орском и Актюбинском отходить на Ташкент (что на языке казаков и солдат называлось идти в "пески") окончательно погубило армию. Правда, принимая первое решение, Командующий Южной армией исходил из предположений, что Сибирская и Западная армии, получив подкрепления, быстро оправятся и перейдут в наступление и что Южная армия до их подхода выдержит натиск советских войск. В стойкость своей армии, особенно башкирских частей, генерал-майор Белов верил глубоко.

4) После боев под Орском и Актюбинском необходимо было, прикрывшись арьергардами, отводить расстроенные части как можно скорее на восток; но генерал-майор Белов, находясь со штабом армии в тылу и не представляя истинной картины разложения войск - наоборот, пытался задержаться и восстановить фронт, чтобы затем начать планомерный отход по Ташкентской железной дороге в Туркестан.

5) Привлечение в строй пленных красноармейцев, не оправдало возлагавшихся на них надежд и, имело тяжкие последствия: со стороны

красноармейцев было проявлено много случаев предательства и обратного перехода на сторону большевиков.

6) Распыление казачьих полков между всеми корпусами, отсутствие в руках Командующего армией конного кулака, возложение на всю конницу пассивных задач с приковыванием ее к позициям - все это содействовало неудачам армии.

7) Малая устойчивость некоторых казачьих частей и неумение их драться в конном строю понижали обороноспособность отдельных участков фронта. Последние обстоятельства объясняются тем, что казачьи полки, в значительной степени, были "разбавлены" плохо обученными малолетками и совершенно "не обстрелянными" стариками "неспособными" казаками.

8) Наблюдались недовольство и апатия среди солдат и казаков на почве усталости от войны и тоски по семье и станице.

9) Среди солдатской и даже казачьей массы были сознательные большевики и сочувствующие большевизму, которые тайком от начальства, а иногда и открыто, вели в частях разлагающую работу.

10) Громадную роль в разложении армии сыграла умело поставленная и широко развитая агитация большевиков и слабая постановка дела пропаганды с антибольшевицкой стороны.

Шестой период.

(С сентября по декабрь 1919 года - и последующие события).

Командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса считал, что, после разгрома Южной армии, большевики обрушатся на Уральцев, почему отойдя к Уилу, поставил себе задачей прикрыть правый фланг Уральской армии, содействуя ее операциям. Уильский район для Уральского войска имел громадное значение, благодаря большим запасам хлеба. Это был единственный источник, откуда Уральцы могли получить хлебные продукты, так как в районе, занимаемом Уральской армией их совершенно не было, а расчеты Уральского командования получить хлеб с Кубани не оправдались. Кроме того, г. Уил представлял собой узел караванных путей, заняв которые, Оренбургцы прикрыли от большевиков Доссорские нефтяные промыслы, где имелись запасы нефти, в которой так нуждались и большевики и Уральцы.

Положение на фронте Уральской армии к моменту прихода 1-го Оренбургского казачьего корпуса было прочное: Уральцы стояли по обоим берегам р. Урала южнее Уральска и Илецкого городка, и готовились к операции по овладению г. Уральском. Утвердившись в районе г. Уила и

приведя остатки расстроенных частей в порядок, генерал-майор Акулинин стал высылать небольшие отряды в сторону Илецкой Защиты и Ташкентской железной дороги. Одни из этих отрядов вели разведку и устанавливали связь с линейными станицами, расположенными по р. Илеку, другие производили налеты на Ташкентскую железную дорогу; третьи способствовали заготовкам и вывозу хлеба для Уральской армии, из богатых крестьянских хуторов.

Для поддержания духа казаков и офицеров при штабе 1-го Оренбургского казачьего корпуса издавалась газета "Военный вестник", материалом для которой служили главным образом Добровольческие и большевицкие радиосообщения, ежедневно перехватываемые корпусной радиостанцией. Из радиосообщений Оренбургские казаки, заброшенные в глухую киргизскую степь, видели как Добровольческая армия неудержимым потоком двигалась на север, к Москве. Это вносило бодрость, заставляло забывать о собственных неудачах и вселяло уверенность в окончательной победе над советской властью.

В г. Уиле находилось Киргизское Правительство Западной Алаш-Орды, так называемый Уильский Олейят, которое имело небольшие воинские части из киргиз, сформированные при помощи казаков. Между Алаш-Ордой и прибывшими Оренбургскими казаками установились довольно хорошие отношения. Киргизы, прекрасно знавшие степь и имевшие постоянную связь со своими родичами самых отдаленных аулов, много помогали казакам в деле разведки и доставки донесений, давая знать о всех передвижениях большевицких отрядов. Первоначальные попытки большевиков овладеть Уилом отражались казаками с успехом; но в конце октября красные отряды, пополненные повстанцами из крестьян и киргизов, подступили к Уилу вплотную. Отходя с остатками 1-го Оренбургского казачьего корпуса в район Уила, генерал-майор Акулинин рассчитывал на приток беглецов из 1-го округа - по примеру прошлого года - на скорое восстание линейных и низовых станиц. Ни один из этих расчетов не оправдался.

Покончив с Южной армией и заняв территорию Оренбургского Войска, большевики перешли в наступление против Уральцев. Небольшая Уральская армия, истощенная непосильной борьбой, с тающими - не столько от вражеских пуль, сколько от болезней и голода - рядами, не имеющая тыла и отрезанная от всего мира, стала постепенно отходить на юг. Командующий Уральской армией генерал-майор Толстов вызвал на помощь Уральцам остатки частей Южной армии, которые пришли на

Жилую Косу: отряды "воеводы" Киселева, Фортунатова, Красноярцева и др.

11-го ноября 1919 года был расформирован 1-й Оренбургский казачий корпус, части которого были направлены также на усиление Уральской армии на ее главном направлении - в район г. Лбищенска. (Штаб 1-го Оренбургского казачьего корпуса - во главе с начальником штаба полковником Пичугиным - и все корпусные управления, а также некоторые учреждения Южной армии, прибывшие в Уил - были переданы в распоряжение Уральской армии и переведены в Калмыков, Гурьев и др. места). В Уиле для наблюдения за правым флангом, остался Оренбургский дивизион и киргизская сотня под командой полковника Исаенко.

Генерал-майор Акулинин выехал на Северный Кавказ - хлопотать о помощи перед Командованием Добровольческой Армии и перед Войсковыми Правительствами Донского, Кубанского и Терского Казачьих Войск. (По прибытии в Уил генерал Акулинин вскоре пришел к выводу, что Уральскую армию неминуемо постигнет участь Южной армии, если не придет помощь со стороны Добровольческой армии. Помощь эта могла выразиться в присылке на Урал подкреплений живой силой, которые можно было перевезти на судах Каспийской флотилии или в операциях против Астрахани, Царицына и Саратова. Не имея точного представления о положении дел на Юге России, генерал Акулинин решил туда отправиться лично, чтобы попытаться привлечь внимание Южно-Русского Командования - а также Донцов, Кубанцев и Терцев - к Урало-Оренбургскому фронту. Наилучшим видом помощи генерал Акулинин считал присылку казачьих частей, для совместных действий с Уральской армией с целью освобождения от большевиков Уральска и Оренбурга. Перед отъездом на Северный Кавказ генерал Акулинин посвятил в детали своего плана войскового старшину Пивоварова, находившегося для связи при Штабе Уральской армии. Передавать свой план широкой огласке генерал Акулинин не считал возможным. К моменту приезда генерала Акулинина в район действий генерала Деникина обстановка на Юге России была такова, что ни на какую помощь рассчитывать не приходилось. Все Южно-Русские вооруженные силы к концу 1919 года находились в полном отступлении).

Несмотря на ожесточенное сопротивление Уральских казаков, большевики, имея громадное превосходство в силах, теснили их по обоим берегам р. Урала все более и более к югу. Киргизское правительство, напуганное успехами красной армии, перешло на сторону большевиков. Чтобы выслужиться перед советской властью, киргизские части вероломно напали у м. Кзыл-Куга на Оренбургский дивизион, отходивший от Уила на присоединение к Уральцам.

18-го декабря пал г. Гурьев и Уральская армия была прижата к замерзшему Каспийскому морю. Войсковой атаман Уральского Войска генерал-майор Толстов с остатками армии, и многочисленными беженцами - всего до 15 000 человек - двинулся по совершенно пустынному восточному берегу Каспийского моря на форт Александровск. Этот поход был сплошной трагедией. До форта Александровска дошло не более 3000 человек - и то больных и отмороженных. Остальные погибли в пути от мороза, тифа и голода или перебиты красными и киргизами. Небольшая часть вернулась с дороги обратно. Из форта Александровска остатки Уральской армии предполагалось перевезти на Северный Кавказ. Но как раз в это время произошло крушение Добровольческой армии. В порт Петровск успели переправить только раненых, тяжело больных и сильно обмороженных. Остальные оставались еще на восточном берегу, как порт Петровск был занят большевиками. Астраханская красная флотилия неожиданно появилась в бухте форта Александровска и высадила здесь десант. В результате - все, что осталось от Уральской армии в форту, попало в руки большевиков. Но атаману Толстову с небольшим отрядом удалось укрыться в степь и через Закаспийскую область уйти в Персию. (В Персии отряд Атамана Толстова был интернирован англичанами и отправлен в концентрационный лагерь в Месопотамию. Впоследствии из Месопотамии Уральские казаки были переведены на Дальний Восток. Описание борьбы Уральских казаков с большевиками изложено в очерке И.Г. Акулинина "Уральское Войско в борьбе с большевиками" Журнал "Белое Дело", под ред. А.А. фон Лампе, Берлин, книга 2-я, 1927 г.).

Отдельные группы Уральских и Оренбургских казаков, из оправившихся больных и раненых, при эвакуации Добровольческой армии попали в Закавказье: одни в Азербейджан, другие в Грузию. В Азербейджане казаки собрались в районе Елизаветполя, откуда пытались пробиться в Армению, но после стычек с отрядами большевиков, занявших к этому времени Баку, были захвачены в плен и частью перебиты, частью разосланы по тюрьмам и концентрационным лагерям.

Из Грузии небольшая часть Оренбургских казаков с генерал-майором Акулининым переехала в Крым, к генералу Врангелю, где оставалась до конца вооруженной борьбы с большевиками. (Крым был эвакуирован Русской армией генерала Врангеля в ноябре 1920 года).

В Сибири в это время совершалась великая драма. Несмотря на ряд героических мер, предпринятых Верховным Правителем, положение в армиях адмирала Колчака, отходивших вдоль Омской и Сибирской железных дорог, ухудшалось с каждым днем; в тылу начались восстания; чехословацкие и польские отряды, оборонявшие Сибирскую магистраль,

снялись и двинулись во Владивосток; вдоль железнодорожной линии и в Сибирских городах воцарился невообразимый хаос и смятение - все было запружено двигавшимися эшелонами войск и обозами беженцев. 14-го ноября пал Омск. Сибирское Правительство переехало в Иркутск. Армия, при которой находился адмирал Колчак, под командой генерал-майора Каппеля, отступала на восток.

Вскоре в Иркутске произошел переворот. Власть захватили, так называемые "земства" (состоявшие из социалистов-революционеров), которые передали ее большевикам. Все города Сибири были охвачены восстаниями. Верховный Правитель прибыл в Иркутск под охраной Союзных Миссий; здесь он был выдан большевикам и 7-го февраля 1920 года расстрелян вместе с председателем Сибирского Правительства Пепеляевым. Все "тылы", запрудившие железную дорогу от Омска до Иркутска, попали в руки красных. Небольшие остатки армии Верховного Правителя, во главе с генерального штаба генерал-лейтенантом Войцеховским – заменившим скончавшегося в пути генерал-майора Каппеля - ушли в Забайкалье, к Атаману Семенову, откуда впоследствии были вытеснены большевиками - вместе с войсками Атамана Семенова - и перевезены в Приморскую область - в район Никольска-Уссурийского и Владивостока. (В Приморье остатки Сибирских армий, под именем "каппелевцев" продолжали вести вооруженную борьбу с большевиками до конца октября 1922 года, когда был оставлен Владивосток и вся Дальне-Восточная окраина перешла в руки советской власти).

Что касается Оренбургских казаков, объединенных Атаманом Дутовым в районе Атбасара-Кокчетава в Оренбургскую армию, то история их такова. После оставления Омска и дальнейшего отступления Сибирских армий, Атаман Дутов вынужден был двинуться на восток; причем Оренбургская армия в это время находилась в периоде формирования. Отходить приходилось с боями: с фронта наседали регулярные красные части, а с тыла нападали повстанческие отряды, которыми кишела теперь вся Сибирь. Первоначально взятое направление на Павлодар с тем, чтобы выйти на Великий Сибирский путь вскоре пришлось оставить: г. Павлодар, находившийся в 700 верстах в тылу Оренбургской армии, к этому времени оказался занятым красными. Постепенно снижаясь к югу, Оренбургская армия двигалась по малонаселенному и голодному краю на Акмолинск и Каркаралинск в общем направлении на Семипалатинск. В Каркаралинске Атаман Дутов узнал, что из Павлодара ему наперерез двинуты красные части; в то же время пришло известие о занятии Семипалатинска красными (в 550 верстах в тылу).

Тогда решено было отходить на Сергиополь - в Семиречье. Путь от Каркаралинска до Сергиополя (650 верст) пролегал по пустынной и частью гористой местности без жилья, без воды. Редкие киргизские кочевья при приближении армии быстро откочевывали со всем своим скарбом и скотом на юг - к озеру Балхаш, некоторые просто разбегались. У войск и у беженцев никаких запасов продовольствия не было и собрать их не представлялось никакой возможности. Армии, в собственном смысле этого слова, к этому времени уже не существовало. Двигались лишь многочисленные обозы, ехали группы всадников, шли кучки пеших людей, среди которых свирепствовала эпидемия тифа. Люди гибли и от морозов, и от голода, и от ран, и от болезней. В то же время приходилось вступать в бои с красными партизанами. Особенно много зла причинил казакам партизанский отряд красного князя Хованского, отбивший большое количество обозов с беженцами и имуществом.

В двадцатых числах декабря 1919 года остатки Оренбургской армии добрались до Сергиополя, рассчитывая здесь отдохнуть. Северо-восточную часть Семиреченской области занимал со своими отрядами Атаман Анненков. Считая себя хозяином всего Семиречья, он отказался признать Атамана Дутова, как старшего, Командующим армией, и распорядился не давать Оренбургским казакам - ни квартир, ни продовольствия.

Чтобы выйти из критического положения, на совещании старших начальников обеих сторон было постановлено: остатки Оренбургской армии свести в отдельный отряд под командой генерал-майора Бакича с подчинением его Атаману Анненкову, как Командующему Семиреченской армией (Отряд имени Атамана Дутова); Атаману Дутову принять гражданское управление Семиреченским краем, с пребыванием в г. Лепсинске. За довольствие Оренбургских частей и предоставление им квартир была передана Атаману Анненкову значительная сумма денег.

Для обороны против красных, вторжения которых приходилось ждать со дня на день, был образован фронт между озером Балхаш и горным массивом Тарбагатай. Части Анненкова заняли район Уч-Арал (левый фланг), а отряд генерал-майора Бакича расположился в районе Урджар (правый фланг), где крестьянское население подняло восстание против Атамана Анненкова еще до прихода Оренбургской армии. С марта месяца 1920 года большевики повели наступление со стороны Семипалатинска по всему Семиреченскому фронту. После первых же столкновений конные отряды Атамана Анненкова во главе с Асановым, перешли на сторону красных и признали советскую власть. Сам Атаман Анненков с небольшим отрядом едва успел переправиться на китайскую территорию.

Там он был схвачен китайцами, закован в колодки и посажен в тюрьму в г. Урумчи.

Генерал-майор Бакич должен был под напором красных спешно отходить к китайской границе, которую перешел у м. Бахты 14-го марта 1920 года. Здесь его отряд был интернирован и поставлен лагерем на р. Эмиль, в 40 верстах от г. Чугучака (г. Чугучак в Западном Китае). Всего с генерал-майором Бакичем ушло в Китай до 12 тысяч человек. Атаману Дутову, никем не предупрежденному и почти окруженному красными в г. Лепсинске, с большим трудом удалось выбраться, под прикрытием отряда особого назначения, через ледниковый перевал Карасарык (19 000 футов высоты) в Кульджу. Китайские власти отнеслись к Атаману Дутову с большой предупредительностью и отвели ему для стоянки казармы бывшего русского консульства в м. Суйдин, в 40 верстах от Кульджи (г. Кульджа Синьцзянской провинции в Западном Китае).

Весной 1921 г. при попустительстве китайских властей и при содействии китайских войск отряд генерал-майора Бакича, двинувшийся вдоль русско-китайской границы (в сторону Урги) был окружен советскими войсками - и частью уничтожен, частью захвачен в плен. Лишь небольшой группе в 350 человек удалось скрыться в степях Монголии. После года скитаний по диким и пустынным Монгольским степям и после целого ряда приключений, эта горсточка храбрецов вышла с полковником Кочневым к г. Гучену (г. Гучен в Северо-Западном Китае), где была помещена в концентрационный лагерь, но в течение весны и лета 1923 года все казаки из Гучена перебрались в Ханькоу, Пекин и Тяньцзин, а затем и в Шанхай.

Большая часть беженцев, бывшая при отряде генерал-майора Бакича, погибла в Монголии; часть вернулась в советскую Россию; и лишь немногим удалось пробраться в Пекин и в Маньчжурию. Генерал-майор Бакич, схваченный большевиками в Монголии, был отвезен в Иркутск и там после суда расстрелян. Его судьбу разделил с ним и начальник штаба полковник Терванд. 6-го февраля 1921 г. Атаман Дутов пал от руки наемных убийц, подсланных большевиками из Семиречья. Отряд его остался предоставленным самому себе и часть казаков вернулась в советскую Россию, другие остались в Кульдже; а остальные пробрались в Маньчжурию. (Сведения об отступлении Оренбургской армии из района Атбасара - Кокчетавы в Семиречье и далее в пределы Китая почерпнуты автором из писем, полученных с Дальнего Востока. Часть сведений сообщена участниками похода, прибывшим из Китая в Западную Европу).

Оренбургские казаки, сражавшиеся вне территории Войска: бригада генерал-майора Кручинина на Пермском фронте и дивизия генерал-майора Мамаева на Уфимском направлении - отступили в составе армии адмирала Колчака в Забайкалье, совершив в жестокую зиму 1919-1920 гг. легендарный ледяной поход через всю Сибирь. Во время похода много офицеров и казаков погибло; в том числе доблестный генерал-майор Мамаев, покончивший с собой выстрелом из револьвера и окружной Атаман 3-го отдела Смирных, павший во время конной атаки, во главе своего отряда.

В Забайкалье Оренбургские части продолжали борьбу с большевиками в армии Атамана Семенова. После оставления Забайкалья часть Оренбургских казаков попала к большевикам в плен, часть рассеялась или осела вдоль полосы отчуждения Китайско-Восточной железной дороги; остальные были перевезены с "капеллецами" в Приморскую область, где составили бригаду, которая под командой генерал-майора Бородина, принимала самое деятельное участие в вооруженной борьбе Приморского Правительства с советской властью. В Приморье Оренбургцы держались - под общим руководством генерал-майора Анисимова - до перехода края в руки большевиков. После падения Владивостока - что произошло в конце октября 1922 года - Оренбургские казаки, вместе с остатками "капеллецев", отошли в Маньчжурию - к г. Гирину. Здесь китайские власти всех офицеров посадили в лагерь, а большинство казаков и солдат отправили в советскую Россию; наиболее упорствующих выслали внутрь Маньчжурии и разместили в лагерях по глухим городкам. Небольшая группа Оренбургцев (школа подхорунжих в 129 человек) была вывезена из Владивостока на пароходе в Корею - в порт Гензан, откуда ее перевели на работы в район Сеула.

Со временем все отдельные группы Оренбургских казаков разошлись по всему Китаю; большая часть их обосновалась в Харбине, Тяньцзине и Шанхае. Многие из Оренбурцев служили в Русской Группе Войск Армии маршала Чжан Цзу-чана. (Сведения о пребывании Оренбургских казаков в Приморье и в Китае взяты автором - частью из писем и газетных сведений, частью сообщены лицами, прибывшими в Западную Европу с Дальнего Востока).

Войсковое Правительство Оренбургского Войска во главе с генерал-лейтенантом Тимашевым, после падения Троицка переехало в Орск, а оттуда с отступающими частями Южной армии прибыло на ст. Джурун, где было устроено совещание по поводу дальнейшего маршрута. Командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса советовал направиться в пределы

Уральской области в г. Уил, куда уже был командирован с отрядом бывший комендант г. Оренбурга подполковник Заваруев, но генерал-майор Тимашев, поддержанный большинством своих коллег, решил двигаться на восток, и в тот же день выступил походным порядком, под прикрытием сотни Атаманского дивизиона, в направлении на Тургай и Атбасар. Длинный небезопасный путь через киргизские степи был пройден благополучно. Войсковое Правительство прибыло в Омск незадолго до его падения и, когда началась эвакуация, выехало по железной дороге в Иркутск.

Сибирская железная дорога в это время была забита поездами, эвакуировавшихся тыловых учреждений; движение совершалось крайне медленно и остановками; к тому же уходящие на Владивосток чехословацкие эшелоны не пропускали вперед русских составов. Под Красноярском, вследствие взрыва моста, образовался затор и поезд, в котором следовало Войсковое Правительство, проскочить на восток не мог. Все члены Войскового Правительства и служащие со всеми Войсковыми регалиями и Войсковой казной попали в руки большевиков.

Положение в Оренбургском войске в конце 1919 г., т.е. непосредственно после занятия его большевиками, было в общих чертах таково. Большевицкие комиссары, учтя опыт прошлого, отказались от массового террора; станицы не жгли и не разоряли; казачьего хозяйства открыто не грабили, но обложили все население непосильными налогами и всевозможными поборами. Доверие со стороны большевиков казаки не пользовались: большевики, по-прежнему, считали казаков контрреволюционерами и врагами советской власти.

Все казаки были разделены на три категории: 1) надежных, которых забирали в красную армию и отправляли на фронт; 2) ненадежных расстреливали и 3) подозрительных - этих сажали в тюрьмы и отправляли на принудительные работы; часть из них потом отпускали на поруки по домам, часть оставляли заложниками. Наиболее жестоким преследованиям подвергались офицеры, из коих много было расстреляно; остальные разосланы по лагерям и тюрьмам; лишь немногие были взяты в красную армию или приспособлены на службу в советских учреждениях вне территории Войска - главным образом в Сибири.

Хлеб и скот в станицах были взяты на учет; зерно и мясо усиленно вывозились к железнодорожным станциям, но за недостатком транспорта, внутри Европейской России, почти ничего не отправлялось; все гнило на складах без всякого присмотра. Строевые лошади, седла, оружие и обмундирование от всех казаков и офицеров были отобраны и возвращены

лишь тем, кого зачисляли в красную армию. В станицах и поселках правили совдепы, составленные из казачьих отбросов и разночинцев (иногородних). Оренбург, по свидетельству приезжавшего туда председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, товарища Калинина выглядел "настоящим советским городом", так как был заполнен пришлым элементом с разных концов России.

В виде общего вывода относительно борьбы Оренбургского Войска надлежит отметить следующие положения: на Восточном фронте Оренбургское войско, по зову Атамана Дутова, выступило против советской власти первым и ушло с поля битвы в числе последних.

За время борьбы Войско проявило большую стойкость и выдержку и принесло неисчислимые жертвы всем своим достоинством. Оренбургские казаки вели борьбу не только за свои права и вольности – они, прежде всего, защищали Россию. Борьба их имела государственный смысл и велась в общерусском масштабе, не ограничиваясь защитой Войсковой территории. Войсковое Правительство никогда не отделяло казачьих интересов от общего дела, которому старались служить по мере сил и возможностей.

Тысячи Оренбургских казаков, не пожелав склониться перед комиссародержавием, сложили свои головы в непосильной борьбе с ненавистным врагом или пошли скитаться по чужим краям. Оренбургское Войско долг свой перед Родиной выполнило.

Заключение.

В результате двухлетней борьбы на Востоке большевики одержали верх. Фронт Учредительного Собрания был ликвидирован ими окончательно; остатки армий Верховного Правителя, в состав которых входили и Оренбургские казаки, оказались выброшенными на чужбину в виде беженских масс. Попытаемся привести посильные пояснения и сделать некоторые выводы из общего хода борьбы, ибо разыгравшиеся на востоке события не такого порядка, чтобы ответственность за них возложить на отдельных лиц или объяснять случайными явлениями. Гибель Восточного фронта произошла в силу целого ряда обстоятельств, остановиться на которых следует со вниманием. Сделать это надлежит во имя исторической правды. Какие же факты и события способствовали успехам большевиков и чем можно объяснить поражение антибольшевицких сил? Беспристрастный и правильный суд вынесет только история. Современникам же и участникам происходивших событий, основными

причинами неудач и развала Восточного фронта представляются следующие явления.

Прежде всего, следует указать, что отдельные государственные организации, партии и народности, действовавшие на территории восточнее Волги - сплошь и рядом рассматривали происходившие события не с общегосударственной точки зрения, а сквозь призму своих местных интересов или партийных программ.

Так, возникший в Самаре Комитет Членов Учредительного Собрания, претендуя на Всероссийскую власть, не сумел проникнуться государственными началами и все развернувшиеся перед ним события стремился втиснуть в рамки своей партийной программы социалистов-революционеров. Естественно, что на этом пути он встретил противодействие; и весь его революционный пафос уходил на борьбу не столько с большевиками, сколько с Сибирским Правительством и с казаками. По мере хода событий сама идея Учредительного Собрания постепенно выветривалась. Среди военных она никогда не была популярной. Для старших начальников - и то только в начале борьбы - она являлась официальным лозунгом, необходимым при обращении к народным массам. Казаки, как на фронте, так и в станицах, к Учредительному Собранию отнеслись с полным равнодушием. За Учредительное Собрание ратовали главным образом интеллигентные круги и присяжные политики левых толков. Такое разномыслие к будущему органу, долженствовавшему заняться устройством Российского Государства, ни в коем случае не могло содействовать спайке и объединению антибольшевицких сил. Директория, избранная на Уфимском Государственном Совещании, в качестве объединяющей власти, никого не удовлетворила и никого не объединила, почему и сошла со сцены, никем не защищаемой при первом же натиске.

Сибирское Правительство с самого начала своего возникновения стало на общегосударственную точку зрения и стремилось работать во Всероссийском масштабе. Но оно не сумело ориентироваться в сложившейся обстановке и совершило ряд роковых ошибок, которые привели все дело освобождения России с востока к катастрофическому концу. Сибирское Правительство не учло того обстоятельства, что начало вооруженной борьбы пошло не от центра (Омска), а из казачьих областей, откуда эта борьба перебросилась в города Сибири, Урала и Поволжья. Вместо того, чтобы различные местные течения, областные стремления, вызванные к жизни естественным ходом событий, направить в одно русло, "координировать в единую сознательную государственную работу", Сибирское Правительство очень скоро и очень неудачно вступило на путь

централизации, отвергая автономию областей, свободу национальных культур и местные особенности. Задача Омских политиков должна была бы состоять в том, чтобы "сохранить меру областных самостоятельности и меру их сознательного взаимодействия в государственном смысле". Этого в Омске не поняли и работы в этом направлении не вели.

Омское Правительство заподозрило в сепаратизме даже казаков, хотя Войсковые Правительства Казачьих Войск, отнюдь не покушались на русскую государственность и не мыслили себя вне Великой России, за воссоздание которой казаки боролись в первых рядах. К сожалению, боролись не общим казачьим фронтом, а порознь: каждое Войско само по себе. Собственно вооруженную борьбу на фронте вели только Оренбургские, Уральские и затем Сибирские казаки; Забайкальских, Амурских и Уссурийских казачьих полков на фронте не было; они оставались в глубоком тылу для поддержания порядка в Восточной Сибири и для охраны своих территорий. Казаков большевики ничем приманить не могли: землю казаки имели, а волю - в виде самого широкого самоуправления - они вернули себе в первые дни февральской революции. Большевиков казаки ненавидели, но большевицкой опасности отчетливо не представляли; лишь впоследствии на горьком опыте убедились, что большевизм в корне разрушает казачий уклад и что казачество и коммунизм понятия не совместимые. В начале революции совершенно искусственно было создано - при содействии радикальной части казачьей интеллигенции - так называемое "трудовое казачество", под которым разумелась, главным образом, казачья голытьба, сочувствовавшая большевикам за их посулы. Но среди казаков нашлись изменники, которые пошли служить большевикам - и за страх и за совесть - чем внесли шатание в умы колеблющихся и не знающих, к какому берегу пристать.

Из инородцев более или менее значительное участие в политической жизни Поволжья, Урала и Сибири - после февральской революции - принимали башкиры и киргизы. Башкиры - народ не плохой, но совершенно темный, не способный самостоятельно разобраться в происходивших событиях. Вожаки их, нахватавшиеся верхов европейской культуры, люди большей частью беспринципные, лукавые, мелко-честолюбивые, а подчас и продажные - метались из стороны в сторону. На борьбу с большевиками они вышли с благословения Сибирского Правительства и в начале работали рука об руку с Оренбургскими казаками; потом перекинулись в сторону Самарского Комитета Членов Учредительного Собрания, а в результате очутились на службе большевиков. В последнем обстоятельстве отчасти виновато Омское

Правительство, которое не было склонно признать автономию Башкирии и запретило формирование особых башкирских частей как раз в момент наступления большевиков на башкирскую землю, хотя до этого времени в Оренбургской (Юго-Западной) армии Атамана Дутова существовала целая пехотная дивизия из башкир, показавших себя в боевом отношении хорошими солдатами.

Киргизы не доросли до понимания общегосударственных интересов; вся борьба у них свелась к родовым спорам и личным счетам между вождями. Среди немногочисленной киргизской интеллигенции был особенно популярен лозунг "самоопределения народов", который, однако, в понимании киргизских политиков отнюдь не грозил расчленением России. Но Омское Правительство слишком поспешно и крайне неумело начало налагать руку на киргизскую "автономию", чем оттолкнуло от себя даже наиболее лояльные круги киргизской интеллигенции.

Существовавшие в Сибири политические партии и течения разных толков после падения Директории резко поделились на два лагеря: правый лагерь стоял за диктатуру и упрекал Сибирское Правительство в отсутствии твердого курса; левый наоборот, считал, что правительство должно опираться на народные массы и ратовал за создание законодательного органа. Многие демократические круги, не придерживавшиеся строго партийных программ, находили, что после 13-го ноября 1918 года Сибирское Правительство вступило на путь реакции, и к власти Верховного Правителя относились с недоверием. Путем печати, лекций, разговоров, эти круги, а также некоторые политические партии - особенно социалисты-революционеры - вносили в общество и в народные массы разлад, чувство неуверенности и неудовлетворенности, что в скором времени не преминуло отразиться в тылу и на фронте самым отрицательным образом. Разобраться во всех политических течениях, найти правду, людям, не искусенным в политике было очень трудно, а подчас и совсем невозможно.

Интеллигенция на Волге, на Урале и Сибири, как местная, так и пришедшая, сбита со своих позиций волной революции, которую она чаяла видеть совсем иною - оставалась во все время борьбы распыленной и бездейственной, хотя много ее ушло в ряды армии и самоотверженно работало на разных поприщах в тылу. Торгово-промышленный класс после большевицкого переворота действительной силы не представлял. На денежные жертвы шел неохотно; считал себя наиболее пострадавшим от реквизиций и экспроприаций. В то время, когда одна часть торгово-промышленников предоставила себя и свои предприятия в распоряжение власти и с пользою работала на оборону страны, другая часть пустилась в

самую злостную спекуляцию, стараясь использовать тяжелое положение армии и населения в целях наживы.

Рабочие насквозь были пропитаны социалистическими идеями, причем значительная часть их тяготела к большевикам и левым социалистам-революционерам. Во всех случаях жизни они выставляли на первый план свои узко-классовые и партийные интересы, совершенно не считаясь с общим положением. В приходе к власти Верховного Правительства большинство рабочих усмотрело возвращение к старому режиму, что было отмечено с их стороны забастовками и восстаниями. На поддержку рабочих - за небольшими исключениями - ни тылу, ни фронту, рассчитывать было нельзя.

Крестьянство Сибири, Урала, Поволжья и Оренбургского края - в массе очень зажиточное - тогда еще не испытало всех ужасов большевицкого режима и в наиболее глухих местах смотрело на большевиков, как на благодетелей, которые дадут еще больше и земли, и воли, и прочих благ. Крестьянам не нравились ни мобилизации, ни реквизиции, производимые Сибирским Правительством и казаками. Появление в деревне агентов новой власти, часто со старыми приемами, пришлось не по вкусу крестьянским массам. Сибирская деревня, распропагандированная и сбита с толку заезжими агитаторами и возвратившимися с фронта солдатами, еще не перебродила и не успокоилась. В вооруженной борьбе белых с красными крестьянство старалось "держать нейтралитет" или - в большинстве случаев - становилось на сторону большевиков, даже если и не сочувствовало им. Здесь сказывалась вековая неприязнь к "барину" и "начальству".

Колеблющаяся и неустойчивая политика наших союзников - французов и англичан - вносила во все круги общества и правительства нервность и неуверенность. По инерции все рассчитывали на действительную и широкую помощь, до присылки союзных войск включительно; но когда эти надежды не оправдались, у всех явилось естественное чувство разочарования и недовольства - особенно на фронте - несмотря на доставку значительного количества оружия и обмундирования.

Неожиданный уход с фронта чехословацких войск, после того как власть перешла в руки адмирала Колчака, без немедленной замены их свежими резервами, не мог не отразиться крайне неблагоприятно на ведении боевых операций и вызвал, как в русских, так и в чехословаках нежелательные чувства взаимного охлаждения и даже неприязни.

Формирование целых частей из пленных красноармейцев, без достаточной фильтрации, давало печальные результаты: красноармейская масса не хотела воевать ни на той ни на другой стороне, и при первом

удобном случае разбегалась или переходила на сторону большевиков, что крайне вредно отражалось на боевых операциях и понижало настроение войск.

Одной из существенных причин, повлекших за собой развал Восточного фронта, надо считать ту бешенную агитацию, которую большевики, с самого начала, развили среди населения и армии и которая с противоположной стороны встречала весьма слабое и неумелое противодействие. Затем, справедливость требует сказать, что при неудачах большевицкие верхи не терялись и проявляли кипучую энергию, как в области морального воздействия на массы, так и в деле собирания материальных сил, а также и умелого их использования. Действуя по внутренним операционным линиям, красное командование перебросило на Восточный фронт большие силы, и в конце второго года войны одержало здесь решительную победу.

Успехами в боевых операциях красные комиссары обязаны, главным образом, военным "спецам" которых им удалось на вербовать из рядов старой армии, и среди которых были офицеры Генерального Штаба с крупными именами. Здесь не место разбираться во всех плюсах и минусах той и другой стороны, чисто военного свойства. Следует лишь отметить, что в гибели Восточного фронта большую роль сыграли именно военные ошибки, допущенные командным составом белых армий. Будущий военный историк войны, по всей вероятности, с особенной строгостью отнесется к действиям Омской Ставки, руководители которой, при составлении плана боевых операций и при проведении их в жизнь не всегда стояли на высоте требований военной стратегии. Среди начальников всех степеней попадались такие, которые во многом не отвечали своему назначению. Но их было меньшинство. Среди высшего командного состава были люди способные, даже талантливые; однако, из их среды не выделилось подлинного полководца, который мог бы повернуть ход событий в сторону спасения России. Точно также в составе Сибирского Правительства не оказалось ни одного человека с широким государственным размахом - типа Столыпина или графа Витте - которому была бы по плечу созидательная работа в революционной обстановке, когда надо было разбушевавшуюся народную стихию вводить в государственное русло.

Многим участникам событий бросалась в глаза чрезвычайная перегруженность тыла всевозможными учреждениями и канцеляриями, количество и размеры которых далеко превосходили потребности армии и совершенно не отвечали условиям гражданской войны. В то время, как войсковые части постоянно страдали от хронического некомплекта - в это

самое время в тыловых учреждениях, с непомерно раздутыми штатами, сидела масса боеспособных людей, в которых так нуждался фронт. Главная тяжесть борьбы, как на фронте, так и в тылу легла на плечи многострадального русского офицерства, которое безропотно несло свой тяжелый крест.

Ни один класс общества, ни одна группа населения - не принесли столько жертв на алтарь Отечества, как русские офицеры, подвиги которых будут оценены по достоинству только историей. Среди героев и мучеников гражданской войны на первом месте будет стоять светлый образ Адмирала Колчака, который принес себя в жертву служения России.

Приложения.

1.

Набат.

Грозно и властно гудит вечевой колокол казачества. С далекого Дона несется звон его.

- Старший брат! Твой набат слышали сыны Урала, они давно ждали его.

Они бьются уже второй год за великую Мать-Россию и вольную казачью волюшку.

Гребенцы, сунженцы, лабинцы, черноморцы, весь бурный Терек и славная Кубань снова заняли свои сторожевые вышки и зорко оберегают Русь.

Иртыш, вспоминая прошлое, послал потомков Ермака укреплять русскую государственность.

А набат все сильнее и сильнее, и звуки его все шире и шире плывут в воздухе. Вот они докатились и до Амура и до Байкала; радостно отозвались в сердцах казаков, и грозные полки растут и растут.

А набат все гудит. Далекая Усури потянулась и, заслышав родные звуки, встрепенулась и слилась в общем течении. А набат все звучит. Тихое Семиречье, притиснутое к Китаю, тянет руки свои к родным братьям и радуется скорой выручке, заслышав призывные звуки. Астрахань бьется в судорогах, но радостный звон казачьего колокола окрыляет сынов Волги.

А набат все громче и громче.

Бейте и вы, родные станичники, в свои вечевые колокола, бейте и вы

в набат в своих тихих станицах. Зажигайте вежи сигнальные. Встало все казачество, встало твердо, и нет ему конца.

От Черного моря до берегов океана грозно двигаются полки. Стальные пики, как лес, колышатся. Радуетя стар казак: легко умирать ему, видя дружбу и мощь казачью; видя, что дети не посрамили седины его и помнят былую славу. Радуетя и млад-казак, что привел Бог принять участие в защите вольности казачьей и отблагодарить кормилицу Русь за ее заботы.

Становись, казак, плотнее. Пусть красный, малиновый, синий и желтый лампасы покажут всему миру, что жив еще казак, живо его огневое сердце, жив дух, и быстро течет его свободная кровь, и нет силы свалить эту вековую общину.

На крови и костях предков своих, вольных охочекменных людей, создались казачьи гнезда.

Вечно свободные, чуждые козни, казачьи общины всегда стоят за право государственное. Да и не может свободный вечно казак допускать разнузданность, предательство и продажу Родины своей. Казак был и есть верный сын Родины и любит ее больше жизни своей. А набат все гудит и гудит.

И снимает старый казак со стены свою дедовскую шашку, выезжает на защиту Руси православной. И преклоняются перед сединой казачьей буйные головы молодежи и затихает их веселый смех. А набат все растет и растет.

Слава тебе. Тихий Дон; слава буйному Тереку; слава красивой Кубани; слава вольному Уралу; слава старому Иртышу; слава студеному Байкалу; слава Амуру и Уссури!

Вольные станичники слышат набат, и звуки его радостны им. Русь великая, Русь тихая, сермяжная, Русь православная, слышишь ли ты набат казачий?

Очнись, родная, и ударь в своем старом Кремле - Москве во все колокола, и твой набат будет слышен повсюду. Сбрось, великий народ, ярмо чужеземное, немецкое. И сольются звуки вечевых казачьих колоколов с твоим кремлевским перезвоном, и Русь великая, Русь православная будет нераздельной. Бей в набат, русский народ!

Бей сильнее, зови сынов своих, и будем все мы дружны за Русь святую.

Атаман Дутов.

2.

Резолюция Войскового Круга.

Принятая на чрезвычайной сессии в феврале месяце 1918 года в г. Верхнеуральске.

Выслушав наказы станиц, данные делегатам с мест, и мнения самих депутатов по политическому моменту, и особенно по борьбе с большевиками, и имея в виду, что как наказы, так и мнения всех депутатов говорят за беспощадное сопротивление большевикам, значит, за неподчинению так называемому Совету Народных Комиссаров, Чрезвычайный Войсковой Круг единогласно постановил: впредь до установления Всероссийским Учредительным Собранием государственной власти - никакой власти в Войске не признавать, кроме власти Войскового Круга, который для Оренбургского Казачьего Войска является единственным хозяином, распорядителем и законодателем для Войска; его постановления обязательны не только для лиц Войскового сословия, но и для проживающих на Оренбургской казачьей территории лиц не войскового сословия. Отдельные лица, как зачинщики, подстрекатели или насильники, а равно и лица, подписавшие постановления явно противоречащие решениям Войскового Круга, или Окружных съездов, приводя такие в исполнение - будут привлекаться к строгой ответственности и, помимо этого, исключаться из Войска; исполнение же этого возлагается на Войсковое Правительство и Окружные Управления.

Если означенные лица, или общества, будут сопротивляться, то применять к ним принудительные меры, через особо для того организованные отряды, всеми мерами и средствами, находящимися в распоряжении Окружных Управлений и этих отрядов. Всякие самочинные выступления, как от имени целых обществ, под видом якобы советов, сходов и др. не созванных подлежащими властями, так и отдельных лиц против установленных Войсковым Кругом властей, или даже отдельных частных лиц, будут строго преследоваться. Пропаганда в пользу большевиков, с целью развала общества, или частей его, должна строго преследоваться. Одинаково отвечают за укрывательство этих нарушителей, установленного в Войске порядка, и должностные лица.

Сходы станичные и поселковые считаются законными при условии, если они состоят лишь из гласных и созваны порядком, установленным положением о самоуправлении, а общие собрания в станице или поселке, при условии, если на них участвует не менее 2/3 лиц данной станицы, или поселка, пользующихся избирательным правом, т.е. в возрасте от 20 лет и старше, при том созванные станичными или поселковыми властями, а постановления - засвидетельствованы этими же властями.

Лиц, ведущих агитацию, против установленной в Войске власти или возбуждающих население к погромам, грабежам или другим беспорядкам, задерживать и доносить о них по инстанции.

3. Обращение.

(Это обращение генерал-майора Акулинина было отпечатано Штабом Оренбургской армии в нескольких тысячах экземпляров и широко распространялось между войсками Оренбургской армии, а также по всем городам, станицам и поселкам Оренбургского Войска).

Мы должны взять Оренбург.

Войска 2-го Оренбургского казачьего корпуса! На нас возложена почетная задача - взять Оренбург. И мы должны оправдать доверие Верховного Главнокомандующего и Командующего армией Войскового Атамана -

Мы должны взять Оренбург.

Помимо стратегических, много общих причин, заставляющих нас, как можно скорее, взять Оренбург. Эти причины всем хорошо известны, но считаю долгом напомнить о главнейших из них.

1. Чтобы Державный Хозяин Войска Оренбургского - Войсковой Круг, призвавший нас для смертельной борьбы с большевизмом, мог спокойно творить жизнь Войска на новых свободных началах в своем стольном городе Оренбурге, чтобы голос Войскового Круга звучал набатным колоколом по всему Войску, и чтобы постановленное Кругом Войсковое Правительство могло правильно и планомерно работать на благо Родины и Войска -

Мы должны взять Оренбург.

2. Советская власть все еще держит в когтях 1-й Округ; красные звери продолжают терзать наши верхние и низовые станицы; хулиганские банды грабят наше, годами нажитое, добро; насмеваются над нашими, веками освященными, порядками; оскверняют наши святыни; держат в смертельном страхе наши семейства; творят кровавую расправу над лучшими сынами Войска... Многострадальный 1-й Округ молит, взывает к нам о помощи, об избавлении от произвола и насилий красных комиссаров, и нам надо спешить с помощью; а чтобы подать эту помощь, прежде всего -

Мы должны взять Оренбург.

3. Как человек без головы, так Войско Оренбургское не может жить без Оренбурга. Оренбург наша голова, наш исторический центр: отсюда росло и развивалось Оренбургское Войско.

В Оренбурге наши святыни - Войсковой Георгиевский Собор, под святыми сводами которого молились наши отцы, деды и прадеды, идя на ратный бой. Оренбург наш духовный центр: от него исходили лучи просвещения по всему Войску. Оренбург устанавливал распорядки Войсковой жизни, давал указания на места; он управлял Войском. Без Оренбурга нельзя наладить мирную, трудовую жизнь в станицах и поселках.

**Все мы видим: с падением Оренбурга жизнь Войска едва движется; Войско живет ненормальной жизнью, Войско болеет...
Большевики, при нападении на Оренбургское Войско, всегда стремились прежде всего ударить нас в голову - ударить по Оренбургу. Но раны, нанесенные нам, не смертельны - казаки живучи - мы их подлечили и теперь снова должны ринуться в бой -**

Мы должны взять Оренбург.

4. Оренбург не только казачий город, но и губернский центр. Без него замерла вся жизнь в Оренбургской губернии: правительственные, земские и городские учреждения пришли в состояние паралича; лечебные, просветительные и благотворительные заведения не функционируют; управы, больницы, школы, богадельни закрыты, больные остаются без лечения, дети без просвещения, сирые и убогие без приюта. Большевизм своим зловредным дыханием все отравил, все умертвил. Чтобы возродить губернию к жизни -

Мы должны взять Оренбург.

5. Оренбург не только казачий и губернский город - он главный город обширного Оренбургского края, политический и культурный центр. Основанный на далекой окраине Русского Государства, Оренбург, наряду с водворением в крае русской власти, с успехом проводил среди дикарей-инородцев начала европейской культуры. При умиротворении края, кроме силы оружия, большую роль сыграла умелая политика и просветительная деятельность Оренбурга, который примирил враждующие стороны. Благодаря Оренбургу началось мирное сожителство русских и инородцев: казаков и киргиз, крестьян-переселенцев и башкир, татар и других народов, волею судьбы заброшенных в богатый Оренбургский край.

Пришли большевики, захватили Оренбург - и мирная, культурная, трудовая жизнь прекратилась. Объявляя великие начала братства, равенства и свободы; отвергая расовые и национальные перегородки; обещая всем землю и волю, большевики в действительности принесли в

наш мирный край вражду, ненависть, раздор; снова вспыхнули национальные распри; начались земельные недоразумения, бунты, захват чужого имущества, убийства.

Крестьяне бросились грабить казаков, башкиры и киргизы гонят крестьян с отведенной земли; все вооружаются, никто не признает никаких обязанностей, все выставляют свои права; появились, кроме русской, разные национальные власти, враждующие одна с другой; получилась страшная неразбериха: кто кого должен слушать, кому подчиняться - никто не знает. Измученные, задерганные, жаждущие хоть какого-нибудь порядка, наиболее здравомыслящие элементы населения начинают по старой привычке обращать взоры на Оренбург, хотят оттуда получить указания; но напрасно: в Оренбурге творится та же анархия, то же безначалие. Там нет никакой власти, кроме хулиганской; там не к кому обратиться, кроме полуграмотного комиссара. Все культурные силы, все должностные лица, все городские, земские и общественные деятели, все вожди социалистических и не социалистических партий, не желая быть в услужении у хама-большевика, покинули Оренбург вместе с казаками.

И вот, чтобы снова наладить жизнь края, чтобы приостановить анархию среди населяющих его народностей, чтобы вернуть центру его политическое и культурное влияние -

Мы должны взять Оренбург.

6. Под видом "социализации" большевики забирают в Оренбурге все, что попадает им под руку: хлеб, товары, имущество - движимое и недвижимое; все "социализируют". А "социализируя", они задушили в городе - и торговлю, и промышленность: ни продать, ни купить - ни богатому, ни бедному, ничего нельзя; на все наложен запрет, все валится в общую, коммунистическую, кучу; все под печатью комиссара-большевика, который один может распоряжаться чужим добром, как ему вздумается.

При таких порядках цветущий г. Оренбург, где жизнь была ключом, замер, оцепенел, как заколдованный злым чародеем замок в сказке. Все здравомыслящее, не большевицки настроенное, население изнывает под игмом Комиссародержавия - оно взято под подозрение, обречено на голодовку и влачит жалкое существование.

Оно живет только надеждой на нас; оно ждет не дожидается нашего прихода и смотрит на нас, как на избавителей от произвола и голодной смерти. И мы должны выручить этих страдальцев, воскресить умирающий город, восстановить в нем нормальную жизнь, чтобы всем честным людям жилось одинаково хорошо. Чтобы каждый мог жить по своему разумению, а не по указке комиссара, чтобы каждый мог честным трудом

зарабатывать себе кусок хлеба, а не грабить или выпрашивать его у других.

Мы должны положить конец грабегам и насилиям, которые сходят у большевиков за "социализацию" (социализация совсем не то, что делают большевики). Мы должны восстановить торгово-промышленную жизнь города, которая одинаково нужна и буржуям, и рабочим, и крестьянам, и казакам; и в особенности армии, которая от промышленности получает и обмундирование, и снаряжение, и вооружение.

И вот пока большевики не разрушили жизнь 150 тысячного населения -

Мы должны взять Оренбург.

7. Наши братья-уральцы, зажатые в клещи многочисленными красноармейскими бандами, изнемогают в неравной борьбе.

Чтобы скорее подать им руку помощи -

Мы должны взять Оренбург.

8. Оренбург лежит на большом пути из Европейской России в Туркестан. Через него Туркестанские большевики получают хлеб, Московские - хлопок для приготовления снарядов.

Нам надо разорвать связь Москвы с Туркестаном -

Мы должны взять Оренбург.

9. Со взятием Оренбурга мы приблизимся к сердцу России - Москве, куда теперь устремлены взоры всех лучших людей.

Ради скорейшего избавления от большевистского ига Белокаменной Москвы -

Мы должны взять Оренбург.

10. Мысль об Оренбурге должна ежечасно, ежеминутно, сверлить нам мозг и постоянно лежать у нас на сердце. С мыслью об Оренбурге мы должны вставать и засыпать до тех пор, пока эта мысль не превратится в жизнь, пока мы не войдем в Оренбург. Весна в полном разгаре. Седые волны нашего батьки Урала и светлые струи красавицы Сакмары уже разорвали ледяные оковы и мчатся к родному Оренбургу.

Мы не отстанем от них, мы дружно сомкнем наши ряды и с победными криками помчимся за ними в Оренбург.

В Оренбург, в Оренбург, в Оренбург.

Командир 2-го Оренбургского Казачьего корпуса

**Генерального Штаба
Генерал-Майор Акулинин.**

5-го мая 1919 года.

4.
Приказ
Войскам 2-го Оренбургского Казачьего Корпуса.
№ 78-ой.
Ст. Кондуровская, 29-го мая 1919 года.

Второй Оренбургский казачий корпус был сформирован 19-го февраля с.г. приказом по Оренбургской отдельной армии за № 100. Корпус народился в тяжелые дни; армия в то время отходила от Оренбурга. На долю корпуса сразу выпала тяжелая задача, сдерживать натиск красноармейских полчищ, наседавших со всех сторон.

И части корпуса, несмотря на утомление непрерывными боями, при самых неблагоприятных условиях, по силе возможности выполняли поставленные им задачи, с боем отходя на восток.

К сожалению, в это тяжелое для Родины и Войска время, когда требовалось наивысшее напряжение всех сил, среди некоторых частей корпуса нашлись малодушные и даже изменники, которые перекинулись в лагерь наших врагов, и тем способствовали делу разрушения армии.

Родине и казачеству грозила величайшая опасность. Но враг торжествовал недолго: правое дело не могло погибнуть от нечистых рук.

Продвижению красных банд вскоре был положен предел. Части корпуса нашли в себе мужество и силы остановиться и осадить обнаглевшего врага.

В первых числах марта войска корпуса нанесли противнику ряд поражений в районе поселка Грязнушевского и ст. Кизильской.

Эти успехи окрылили всех - даже малодушных, и показали, что еще не "иссякли казачьи силы", что у казаков еще "есть порох в пороховницах".

В двадцатых числах марта корпус совместно со своими соседями, перешел в решительное наступление по всему фронту.

В районе д. В. Сосновка и п. Березовского произошел ряд упорных ожесточенных боев, в которых корпус разбил лучшие части красной железной дивизии и вышел на большой тракт Верхне-Уральск - Орск.

Этим движением был разорван фронт неприятельских групп, атакующих - с одной стороны в районе ст. Кизильской, а с другой в районе г. Орска.

Однако противник не сдавался; он пытался восстановить утраченное положение и неоднократно переходил в контрнаступление, то на одном, то на другом участке корпуса.

После ряда новых боев в районе ст. Таналыцкой, п. Орловского, хуторов - Савельевского, Алексеевского, Яковлевского и дер. Большой и Малой Валиовой, сопротивление врага было сломлено.

Станицы 2-го Округа были очищены от большевицких банд.

Враг не выдержал наших повторных ударов и бросился к Оренбургу.

Корпус ринулся за ним. Началось непрерывное преследование врага при самых неблагоприятных условиях: в период распутицы и весеннего разлива рек, когда всякое движение прекращается.

Но не взирая ни на какие трудности, полки корпуса преследовали противника по пятам, отхватывая у него обозы и, не давая ему опомниться, к 9 апреля подошли к реке Сакмаре.

10-го апреля, 23 Оренбургским казачьим полком был занят завод Преображенский, 11 апреля 20 Оренбургским казачьим полком - станции Сары и Блява; здесь было захвачено до 600 вагонов и разное железнодорожное имущество.

Тот же 20 полк 13 апреля вошел в ст. Ильинскую, откуда совместно с 19 полком двинулся по тракту Орск - Оренбург и начал очищать от красных верхние станицы 1-го Округа.

Противник пытался оказать сопротивление на станции Кувандык однако дружными действиями 42 стр. и 28 Оренбургского казачьего полков станция Кувандык была взята 15 апреля, после чего враг безостановочно покатился к Оренбургу.

Начальники всех степеней, казаки и стрелки при преследовании красных проявили выдающуюся энергию и находчивость, делая иногда по 60 - 70 верст в сутки и прибегая ко всем способам передвижения: на санях, на колесах, верхом, пешком, по растворившимся от грязи дорогам, по жел. дор. полотну, на дрезинах, в вагонах и вагонетках, запряженных лошадьми.

К 19 апреля корпус подошел вплотную к Оренбургу, где и начались непрерывные бои на ближайших подступах к родному городу.

Противник, желая во чтобы то ни стало удержать за собой Оренбург, развил большую энергию и чрезвычайное напряжение сил.

Красные комиссары, при помощи профессиональных союзов, мобилизовали почти все население Оренбурга и его окрестностей и использовали все имеющиеся в их руках технические средства.

Впоследствии они притянули к Оренбургу подкрепления с тыла и с других участков фронта.

Хотя главная задача корпуса - овладение Оренбургом - не осуществлена и до настоящего времени, но войска за этот период нанесли противнику ряд тяжелых поражений и приковали к Оренбургскому участку большие

силы красных, чем в значительной степени облегчили положение Западной армии.

Из всех многочисленных боев и стычек на подступах к Оренбургу я напомним бои: 27 апреля, когда части корпуса стремительным ударом овладели хут. Л[...]ов, Угличин, Степанов, Зыков и ст. Каменно-Озерной; 10 мая, когда противник был выбит из занимаемых им позиций и в беспорядке отступил к ст. Нежинской, оставив в наших руках пленных и пулеметы.

Желая восстановить утраченное положение и отбросить нас к Орску, красные 14 мая, подтянув подкрепления с тыла и соседних участков и выгнав в передовую линию все население Оренбурга, повели решительное наступление по всему фронту корпуса от р. Сакмары до р. Урала.

Части корпуса, соперничая друг перед другом в храбрости и доблести, не только сдержали натиск врага, но дружным встречным контрударом - особенно конными атаками - овладели целым рядом позиций с командующими высотами (горами: Гребенской, Верблюжьей, Алебастровой и Платовой) и отбросили противника, с громадными для него потерями, к самому городу.

Появление у красных в бою 20 мая бронированных автомобилей внесло в ряды некоторых частей корпуса смущение и повело к потере небольшого пространства; но эту заминку я считаю временной: никакие фокусы противника не могут сломить стойкости корпуса и охладить наступательный порыв его бойцов.

Я надеюсь, что час падения Оренбурга близок. Войска 2-го Оренбургского казачьего корпуса, совместно со своими соседями, выполнят поставленную им задачу - возьмут Оренбург.

Приказом Верховного Главнокомандующего 23 мая с.г. за № 181, 2-й Оренбургский казачий корпус, как и Оренбургская отдельная армия - расформируются. Части корпуса передаются в 1-й Оренбургский казачий корпус, который включается в состав образованной Южной армии. Я получаю другое назначение.

С грустью расставаясь с частями командуемого мною корпуса, я от имени Родины и Войска приношу глубокую благодарность всем офицерам, казакам и стрелкам за их славную боевую работу, и горячо желаю святое дело возрождения Родины и освобождения Войска довести до победного конца.

Не могу удержаться, чтобы не высказать чувства особой признательности бывшему начальнику 5-й Оренбургской каз. дивизии, полковнику Смирнову, который верно оценивал обстановку и действуя решительно, всегда горел порывом вперед и, рискуя своей жизнью,

постоянно являлся на самых опасных местах, чем подавал пример подчиненным и увлекал их за собой.

Горячо благодарю начальника 4 Оренбургской казачьей дивизии генерал-майора Лосева, который в своих действиях умел сочетать осторожность с решительностью. Мне особенно приятно отметить день 14 мая, когда генерал-майор Лосев, идя все время в передовых цепях, быстро захватил важнейшие пункты в расположении противника - Алебастровую гору и гору Платову; при этом со стороны генерал-майора Лосева была проявлена поразительная находчивость: чтобы скорее занять и укрепиться на горе Алебастровой, он стрелков 42 стр. полка, перевез туда на казачьих лошадях.

Благодарю за умелые действия и проявление разумной инициативы - начальников боевых колонн и участков: полковника Попова, полковника Наумова (Михаила), войскового старшину Зуева, войскового старшину Кузнецова, капитана Муравьева, капитана Окунева и подьесаула Ерошенко; за лихие конные атаки - войскового старшину Кузнецова, штабс-капитана Бокина и подьесаула Ерошенко; за умелые разведки и лихие налеты в тыл противнику: поручика Волосова, хорунжего Кучина и подхорунжего Свешникова.

Артиллерия в боях под Оренбургом работала прекрасно; особенно взводы 12 и 13 Оренбургских каз. батарей в бою 14 мая под командой есаула Жаринова и поручика Иванова.

От души благодарю моего ближайшего сотрудника и.д. начальника штаба корпуса, войскового старшину Тушканова, который являлся для меня особенно ценным помощником в критические моменты боя на тех участках, где я не мог быть лично. Находясь всегда впереди под огнем противника, войсковой старшина Тушканов умел, когда это было нужно, отдать от моего имени полезное для дела распоряжение, не боясь ответственности.

Горячее спасибо всем чинам штаба корпуса и начальникам боевых разъездов, которые, не взирая ни на какие опасности, всегда лихо, быстро и толково исполняли мои поручения.

Выражаю благодарность: инспектору артиллерии корпуса полковнику Розенкампф, корпусному интенданту полковнику Новикову, корпусному инженеру есаулу Чигвинцеву, и.д. корпусного врача лекарю Северину, и.д. корпусного ветеринарного врача Добровольскому и коменданту штаба корпуса штабс-капитану Глеб-Кошанскому; всем им приходилось работать при крайне тяжелой обстановке, но все они со своими делами справлялись вполне удовлетворительно и по силе возможности снабжали части корпуса необходимыми предметами.

Благодарю штабс-капитана Обухова за культурно-просветительную деятельность и хорунжего Бородина за хорошую постановку в корпусе контрразведывательной службы.

Призываю всех чинов корпуса осенить себя крестным знаменем и помянуть тех героев, кои памятуя слова священного писания: "несть же сия любви больше, да кто душу свою положит за други своя" - пали смертью храбрых на поле брани.

Среди чинов корпуса и в истории Оренбургского Войска особенно не должно быть забыто имя сраженного вражеской пулей хорунжего 23 Оренбургского казачьего полка Холодилина, который в бою у В. Сосновки лихой конной атакой наголову разбил красноармейский батальон, захватив в числе многочисленных трофеев - два орудия, которые до сих пор являются лучшими пушками в корпусе и своим метким огнем поражают врага.

Пожелаем скорейшего выздоровления и восстановления сил тем, кто своею кровию запечатлели свою преданность и свое служение Родине и Войску.

Не забудем и тех, кого лютая болезнь вырвала из рядов корпуса и приковала к постели.

В заключение считаю долгом сказать, что в работе корпуса были и ошибки.

Ошибались все, начиная с меня. Но смущаться этим не следует. Не ошибается только тот, кто ничего не делает.

Чтобы меньше было ошибок, чтобы с меньшею кровью бить врага надо учиться, учиться и учиться. Мой настоятельный совет всем чинам корпуса - работать, работать и работать, не покладая рук на благо Родины и Войска.

Еще раз благодарю вас, войска 2-го Оренб. каз. корпуса, за вашу верную службу и доблестную боевую работу. Дай вам Бог сил и здоровья! В добрый час к новым подвигам!

Вечная память положившим живот свой на поле брани.

Вечная слава усопшим.

Приказ этот прочесть всем офицерам, казакам и стрелкам.

Командир 2 Оренбургского каз. корпуса.

**Генерального Штаба,
Генерал-Майор Акулинин.**

5.

Приказ № 110.

1-му Оренбургскому казачьему корпусу.

Ст. Верхне-Озерная, 30 июля 1919 года.

Станичники! На меня выпала задача командовать войсками 1-го Оренбургского казачьего корпуса.

Принимая на себя по воле Высшего Командования этот почетный, но тяжелый пост, я призываю вас напрячь все ваши силы, весь ваш разум и всю вашу волю к продолжению борьбы с насильниками большевиками и их приспешниками.

Ненавистный враг еще силен. Правда, ему нанесен ряд тяжелых поражений, он ранен, но не сражен, и борьба с ним должна вестись с неослабной энергией до полного его уничтожения.

Вы, станичники, на себе испытали все прелести советской власти и первыми подняли знамя борьбы с разбойничьими шайками. Вот уже второй год как вы крепко держитесь за обнаженный меч, которым наносите мощные удары врагу.

Рядом с вами, во имя восстановления поруганной Родины, армии Восточного фронта ведут сейчас смертельные бои, и стойко сдерживают натиск большевистских полчищ.

Добровольческая армия генерала Деникина, нанеся красным бандам ряд жестоких поражений, заняла важнейшие города Юга - Царицын, Харьков, Полтаву, Екатеринослав - и теперь пролагает себе путь к Москве.

Станичники, не за горами тот момент, когда общими усилиями мы сломим врага и выйдем победителями. Да иначе и быть не может.

Мы боремся за правое дело, а правда всегда восторжествует.

Мы боремся за единую и великую Россию, ныне растерзанную на клочки предателями большевиками.

Мы боремся за свобододлюбивое казачество, за его права и вольности, на которое посягает советская власть.

Мы боремся за свое родное Оренбургское Войско за наши родные очаги, которые хотят разорить грязные красноармейские лапы.

Мы боремся за наше право верить и поклоняться тому Богу, которому верили и поклонялись наши предки.

Мы боремся за свой казачий уклад, за те порядки, которые спокон веков завелись у нас, по которым жили наши отцы и деды, с которыми сжились и мы. А если что в наших порядках и устарело, то исправим и обновим это мы сами, через наших выборных людей и в красных советчиках не нуждаемся.

Искони вольные и не знавшие рабства, мы не признаем коммунистической кабалы и боремся за свободную жизнь, за жизнь по нашему разумению, а не коммунистической программе.

Издравле привыкшие для решения важных дел собираться "Во единый круг", мы и теперь боремся за великую идею народоправства.

Мы боремся за Национальное Учредительное Собрание.

Мы боремся за свои земли, завоеванные нашими предками и политые их и нашей кровью и всех трудящихся и желающих работать на земле.

Мы боремся за свободный труд, чтобы каждый работал и трудился по своему разуму и силе, а не по указке комиссара.

Мы боремся за то, чтобы всюду на Руси был закон и порядок.

А за что борются большевики?

Что они несут с собой?

Объявляя великие начала братства, равенства и свободы, отвергая национальные и религиозные перегородки, обещая всем землю и волю - большевики-коммунисты, в действительности, принесли в Россию вражду, ненависть, раздор и целые моря крови.

Всюду вспыхнули национальные распри, начались земельные недоразумения, бунты, захват чужого имущества и грабежи.

Под видом "социализма и национализации" - большевики забирают все, что попадает им под руку: хлеб, товары, деньги, имущество - движимое и недвижимое.

"Социализируя и национализируя" они задушили торговлю и промышленность - ни продать, ни купить - ни богатому, ни бедному ничего нельзя; на все заложен запрет, все валится в общую коммунистическую кучу; все под печатью комиссара большевика, который один может распорядиться чужим добром, как ему вздумается.

И вот вы станичники, как исконные защитники Русского Государства и своих вольностей, конечно, не можете примириться с комиссародержавием; вы, как верные блюстители законности, не можете спокойно смотреть на хамский произвол приспешников советской власти; вы, издавна привыкшие уважать идею народоправства, не можете терпеть на шее у себя и у всего русского народа захватчиков народной власти: вы, вольные сыны своих степей, не пойдете в рабство и кабалу к коммунистам-большевикам; вы, сторонники порядка, не можете допустить грабежей и убийств красноармейских банд.

Иного решения, иного пути с вашей стороны быть не может.

И все мы, здравомыслящие русские люди, без различия племен и наречий, должны биться с большевиками-коммунистами и их приспешниками до полной победы над ними, до полного торжества правды и справедливости.

Мы должны положить конец грабежам и насилиям, которые сходят у большевиков за социализацию и национализацию. (В действительности социализация и национализация совсем не то, что творят большевики).

Мы должны восстановить в России нормальную жизнь, чтобы всем честным людям жилось и дышалось хорошо и легко.

А для этого сейчас мы должны думать единую думушку, делать единое дело:

Идти вперед на красноармейские банды!

С нами Бог и правда!

Командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса.

**Генерального Штаба
Генерал-Майор Акулинин**

6.

Приказ

1-му Оренбургскому казачьему корпусу.

№ 161.

10 ноября 1919 года, гор. Уил.

В силу сложившихся обстоятельств 1-й Оренбургский казачий корпус расформируется, но Оренбургские казаки должны оставаться на своих постах, куда бы их судьба не забросила, и продолжать борьбу с ненавистным врагом, до полной победы над ним.

Оренбургское Войско два года вело борьбу с большевиками. Были в этой борьбе успехи, были и неудачи, но Оренбургские казаки оружия из рук не выпускали.

В настоящий момент, благодаря нашим ошибкам и предательству многих наших братьев, нас опять постигла неудача, но падать духом нельзя.

Родина и Войско повелительно требуют продолжать борьбу, к этому побуждают и кровные интересы каждого из нас.

Помириться с большевиками - значит предать Родину и Войско, и на веки закабалить себя в рабство коммуне.

Прекратить борьбу - значит навсегда распроститься со всеми казачьими вольностями со всеми домами и хозяйствами, отдав все это в общую коммунистическую кучу, где нашим добром будут распоряжаться не мы сами, а разные ловкачи, которые не сеют, не жнут, а только собирают в карманы или разбрасывают по ветру чужое добро.

Об этом мы должны твердо помнить все.

Покидая ряды корпуса, я низко кланяюсь вам, дорогие станичники, и от чистого казачьего сердца благодарю вас за вашу доблестную службу, за ваши труды и лишения, за вашу преданность Родине и Войску.

Да здравствует Оренбургское Казачье Войско.

Подлинный подписал: Командующий корпусом, генерального штаба генерал-майор Акулинин.

**С подлинным верно:
И. Д. Начальника штаба
Полковник Пичугин.**

В данном издании опущен вводный очерк "Оренбургское казачье войско. Краткие сведения", рассчитанный на читателя совершенно незнакомого с историей казачества.

С. Василенко.